

Мья Тамигин

*Димитриос
Ништяк из
тотема Совы*

*Героическая
фантастика*

Илья Тамигин
Димитриос Ништяк из тотема
Совы. Героическая фантастика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28067675

ISBN 9785449007032

Аннотация

Дмитрий Совин попадает из будущего в Древний Рим и присоединяется к войску Спартака. Сражается с ним плечом к плечу, становится советником и вождем. Вместе с частью войска он уходит на восток, подальше от Рима, к устью Днепра. На этом пути он сражается с дикими зверями, воюет со скифами. Но главная угроза – братья его жены, ошибочно считающие, что Дмитрий взял их сестру в наложницы насильно, помешав её посвящению в весталки и убив при этом мать. Они клянутся мстить не считаясь ни с чем!

Содержание

Эпиграф:	6
Посвящается моему лучшему другу – Игорю Смелову	7
От Автора	7
Пролог	8
Часть первая: Вышли мы все из народа	11
Глава первая	11
Глава вторая	23
Глава третья	28
Глава четвертая	42
Глава пятая	48
Глава шестая	63
Глава седьмая	73
Глава восьмая	82
Часть вторая: Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов!	90
Глава первая	90
Глава вторая	100
Глава третья	113
Глава четвертая	130
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Димитриос Ништяк
из томема Совы
Героическая фантастика

Илья Тамигин

© Илья Тамигин, 2019

ISBN 978-5-4490-0703-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эпиграф:

На златом крыльце сидели:

Царь,

Царевич,

Король,

Королевич,

Сапожник,

Портной.

Кто

ты

будешь

такой?

Детская считалка

Посвящается моему лучшему другу – Игорю Смелову

От Автора

Все действующие лица, географические названия и рецепты блюд, секретные чертежи и синий цвет, а также планы укреплений и городов вымышлены. Да изложет зависть тех, кто выищет в героях или героинях сходство с собой!

Пролог

Митридат Евпатор задумчиво прошелся по террасе. Мраморные плиты под подошвами сандалий едва слышно звенели. С горы, на которой стоял дворец, открывался изумительный вид на Понт Эвксинский, но царь сейчас не видел ни порт с десятками кораблей, ни цветущие сады и виноградники на склонах, ни белый город, раскинувшийся на побережье Тавриды.

Царь вздохнул и нахмурился. Два раза он воевал с надменным Римом, уже два раза! Две многолетние войны, в которые он вложил всю жизнь! Но результаты... Да, были победы, но были и поражения. Равновесие сил... Понт силен, но и Рим не слаб! Как найти выход из тупика? Только что началась новая война, пришлось начать, пока Помпей сражается с Серторием в Иберии и Рим, соответственно, ослаблен... но, тем не менее, все равно силен необычайно. О, боги! Что бросить на чашу весов судьбы, чтобы жребий Понта перевесил?

Царь с горечью вспомнил, что вчера ему исполнилось уже целых пятьдесят лет, старость не за горами, времени для воплощения планов все меньше... Эту войну он должен выиграть любой ценой!

За спиной почтительно кашлянули. Царь вздрогнул и недовольно оглянулся. Он не любил, когда его заставляли

врасплох, хотя только что сам разрешил страже впустить начальника разведки.

– А, это ты, Тигран! Что нового на Земном Диске?

Сегодня было не время для еженедельного доклада. Видимо, дело срочное, раз попросил аудиенции в обход очереди вызванных на сегодня людей.

Начальник разведки, человек лет тридцати с выправкой центуриона, но в обычной тунике, выглядел взволнованным:

– Государь! В Капуе три месяца назад гладиаторы подняли бунт в школе Лентула Батиата. Семьдесят восемь человек перерезали стражу и бежали! К ним присоединилось до тысячи рабов, они разбили посланное против них войско и укрылись на Везувии. Ходят странные слухи, государь! Мятежникам, якобы, помогает дракон. Против них был послан претор Гай Клавдий Пульхр с тремя тысячами легионеров, но они разбили и его! Дракон убивал легионеров громом, а так же жутким смехом, от которого останавливались сердца даже у ветеранов! Сейчас число восставших возросло до четырех легионов, и они разоряют Южную Италию. Во главе мятежников стоят фракиец Спартак, галл Крикс, самнит Ганник и германец Эномай. Лидер, безусловно, Спартак...

Митридат поднял руку, останавливая говорившего. Кровь в висках застучала молоточками, от восторга сделалось жарко. Вот оно! Боги послали ему неслыханную удачу! Но все необходимо обдумать, поспешность сейчас преступна...

– Тигран! Подготовь подробную справку об этом Спарта-

ке! О других – тоже! Пошли соглядатаев, я должен знать все о ходе событий! О, Рим! Наконец-то ты уязвим!

– Будет исполнено, государь!

Через три недели сведения были собраны. Владыка Понта развернул свиток, поморщился и вставил линзу, выточенную из изумруда, в правый глаз. Так, Спартак... Сын рабыни... Фракийский наемник на службе у Рима. Дезертировал... Разбойничал, конечно! Пойман и продан в гладиаторы за физическую силу. Восемнадцать раз бился на арене, ого! Лидер, вождь. Обладает красноречием и харизмой, г-м. Сотрудничество с ним надо наладить во что бы то ни стало! Чем же его зацепить? На какую приманку он клюнет? Впрочем...

Часть первая: Вышли мы все из народа

Глава первая

Стены аудитории были обшиты полированным дубом. Потолок, перекрещенный толстыми балками, тоже дубовый. Пол – дубовый наборный паркет. И вся мебель дубовая! Добрая старая Англия, Оксфорд.

– Mister Sovin!

Митя вздохнул и поднялся, сжимая в руке билет и лист с ответами на вопросы. Лист был почти чистым.

– Вы готовы? – уставился на него сквозь старомодные роговые очки завкафедрой.

– Да... – угрюмо буркнул Митя, на самом деле не представляющий, что будет отвечать.

Подошел к столу, откашлялся.

– Итак, первый вопрос: третье склонение имен существительных...

Латынь никогда не была его любимым предметом. Ну, мертвый же язык, кому он, нахрен, нужен? Но сдавать надо... Косноязычно запинаясь, начал путано и неправильно излагать структуру склонения. Блин, там же слова с самы-

ми разными окончаниями, и каждое окончание склоняется наособицу! Он помнил только три, а всего их, окончаний, чуть ли не два десятка.

Через две минуты профессор Blumenфельд остановил его.

– Я вижу, мистер Совин, что вы опять не готовы, к моему великому сожалению. То, что вы мне тут... э-э... втолковываете, имеет очень отдаленное отношение к истине. Sorry, вам придется посетить меня ещё раз в следующем семестре.

– Но я учил! – промямлил Митя.

Завкафедрой шмыгнул горбатым носом, сочувственно улыбнулся и протянул зачетку:

– Всего хорошего!

Митя злобно схватил её и, уходя, негромко буркнул в сторону:

– Kike! (Жид, – англ.)

Тем не менее, профессор услышал оскорбление, побледнел и поджал губы.

Сбежав по широкой дубовой лестнице, Митя вывалился на посыпанную песочком дорожку кампуса. В сердце его пылала ярость. Проклятый жидяра! Завалил, нарочно завалил, скотина! Был бы нормальный англосакс, всё бы обошлось, они Совина уважают... А евреи всех, кроме своих, ненавидят! У-у, сионисты проклятые! Христа, несмотря на то, что свой, и то, распяли!

Поджидавший на лавочке телохранитель Кузя, по лицу хозяина прочитавший о провале экзамена, тактично промол-

чал и пристроился в кильватере. Вообще-то, его звали иначе, но наш герой, Митенька Совин, не хотел заморачиваться, и всех своих телохранителей звал Кузьями.

На стоянке Митя оттолкнул его от водительской двери бэхи-пятерки:

– Садись назад, я сам поведу!

С визгом и дымом из-под колес рванулся вперед, но уже через полсотни метров вынужден был затормозить перед пешеходным переходом: дорогу пересекал какой-то эфиоп. Не спеша. Понаехали тут всякие черномазые, в доброй старой Англии теперь плюнуть некуда, чтоб в черную рожу не попасть!

Высунувшись из окна, Митя раздраженно рывкнул:

– Эй, ты, долбанный ниггер! Шевели задницей! Не видишь, белый человек торопится?

Тот вздрогнул и засеменил быстрее. (Не то, чтобы Митя ненавидел чернокожих. Просто был убежден, что белые люди лучше во всех отношениях, а значит, имеют имеют право черными... э-э... руководить... и вообще!)

После второго перекрестка, проеханного на красный, за бэхой увязался полицейский мотоцикл. Замерцал, понимаешь, своей моргалкой, завыл сиреной, как будто других дел у него нету! Пришлось остановиться. Из машины не вышел: вот ещё! Полисмен, не более метра пятидесяти ростом, слез с мотоцикла.

– Сержант Доббинс! – козырнул полицейский огрызок,

подойдя к машине, – Предъявите вашу водительскую лицензию, сэр! Пожалуйста!

Митя неохотно предъявил. Сержант внимательно прочитал документ, забормотал что-то в рацию. Через несколько минут заявил:

– Я выписываю вам штраф, мистер Совин, сэр, за проезд на красный свет. К сожалению, это нарушение предусматривает также пятьдесят штрафных очков. Ваш общий счет на настоящий момент составил сто сорок очков... Это на двадцать больше верхнего предела, поэтому я вынужден изъять вашу водительскую лицензию. На шесть месяцев. Штраф вы можете оплатить в любом почтовом отделении. Всего хорошего, сэр!

Блин! Ещё и это! Ну, что за день такой! Митя угрюмо вылез из-за руля, плюхнулся на заднее сиденье и приказал Кузе:

– Домой!

Завтра лететь в Москву. Надо выспаться, привести нервы в порядок. Эх, бросить бы эту дурацкую учебу! Нет, нельзя... Папаша сразу гайки закрутит, на хлеб и воду посадит в прямом смысле. И в переносном тоже... В город, что ли, вечерком наведаться, стресс снять? В морду кому-нибудь захватить или ещё что...

– Не советую, Дмитрий Иванович! У любой морды хозяин есть, – изрек вдруг Кузя, не оборачиваясь, и Митя сообразил, что размышлял вслух.

– Тебя не спросил! – прошипел он.

Вот, тоже, навязал папаша сокровище! Ухо и око хозяйское! Везде хвостом таскается и никуда без него не сходить, даже к бабе! Давеча у Жанны всю ночь на лестнице под дверью простоял – и хоть бы что паршивцу! Свеж и бодр. Стоя спал, что ли? Оно бы и хрен с ним, пушай таскается, защита, конечно, нужна, но, ведь, с другой стороны, абсолютно все папашке докладывает, а тот на ус мотает и потом воспитывать пытается.

Решил никуда не ходить, а для успокоения нервов посмотреть телевизор под пивко с креветками.

Перелет до Москвы проходил буднично: в салоне первого класса была тишина и благолепие. В смысле, даже шум двигателей не беспокоил – так, мурлыкал маленько. На экране лаптопа бегал, суетился Луи де Фюнес – друг Никола перед отлетом подарил старый-престарый фильм «Фантомас». Забавно они в те времена снимали! Без компьютерной графики, так, мультипликации немножко. Зато все трюки натуральные, хотя и довольно убого поставленные: главный герой всех мочит одними же и теми же приемами. Вызвала немалый смех охрана Фантомаса: телохранители, надо же! Босса какой-то журналога лупит по роже совершенно беспрепятственно! Кто их, таких, на работу-то взял! Сортир деревенский охранять, и то, не потянули бы! А подводная лодка в конце – это круто! Надо папку попросить такую купить, а то на яхте уже надоело...

Стюардеска принесла обед. Ничего, так, пташка, симпатная. Хотел потрогать её за попу, но – лениво, господа! Поковырял обязательную икру, помусолил рыбу. Мясо есть не стал: пережарили, гады! Отравить хотят, не иначе! Съел на десерт пошлые консервированные персики. Да, никакого уважения к клиенту! Могли бы хоть шампузу приличную предложить, Вдовушку Клико, что ли, а не этот позорный Моэт.

Делать ничего не хотелось. Подремал, укрывшись мягким пледом и натянув черную шелковую слепуху на глаза. Приснился странный сон: он, с каким-то здоровенным ниггером, оба в кольчугах и шлемах, спина к спине отбиваются мечами от целой толпы нападающих на них, вопящих воинов, норовящих покромсать их на куски! Всюду кровища потоками... Б-рр! Сон не понравился категорически.

Забулькал динамик, извещая пассажиров, что ероплан заходит на посадку в аэропорту Шереметьево-2. У кресла возник Кузя, потоптался, кашлянул в кулак:

– Дмитрий Иванович...

– Чего тебе?

– Прошу прощения, напомнить хотел... Я, по инструкции, первый выхожу, не спутайте, а то будет, как давеча...

– Ладно, ладно! Пошел вон!

Кузя сгинул.

Вот и посадка. Сложив лаптоп, поднялся. Все-таки, свинья папаша порядочная! Ведь, двадцать один год уже чело-

веку исполнился, полетов уйма: из Лондона в Москву на выходные, на Мальту позагорать, на Мальдивы понырять, с пацанами в Австрию на горных лыжах покататься, в Австралию на серфинг – да мало ли куда! Свой ероплан нужен? Нужен позарез! А он: скромнее надо быть, я в твои годы круче мопеда ничего не имел! М-да...

Здрав подбородак, пошел на выход. Ничего, купит папка ероплан, никуда не денется!

На трапе притормозил, осмотрелся. Опять из гаража дряхлый роллс прислали! Ему ж пять лет в обед! Перед людьми стыдно, ей бо... Спустился, подал Тимофеичу два пальца. С ним за руку не зазорно, все-таки шеф охраны, друг отца, от него многое зависит. Остальным кивнул. Плюхнулся с отвращением в роллс. Поехали!

Всю дорогу мрачно молчал. Тимофеич тоже помалкивал: если молодой хозяин к разговору не расположен, значит, в тишине поедем.

Вот и ворота. Проехали КПП, долго ползли по петляющей дорожке к дому. Выйдя из машины, обратил внимание, что дворня выстроилась как положено, встречает со всем почтением. Кивнул дворецкому Гиви. Тот просиял улыбкой сквозь усы, отдал честь по-военному. Ладно...

– Здравствуй, сынок! – выкатился на крыльцо папаша, – С приездом!

– Хелло, папаня! – ответил Митенька, уклоняясь от объятий, тем самым давая почувствовать свое некоторое

неудовольствие.

– Проходи, проходи! Обед через пятьдесят минут, испу-
пайся пока с дороги. Выглядишь молодцом! Загорел, зама-
терел! Извини, побёг: у меня там на проводе Африка, пере-
говоры, значит, закончить надоть, – Иван Пантелеевич уже
нетерпеливо пританцовывал.

Проществовав в Отчий Дом, Митя направился напрямиком
в бассейн. Содрал с себя одежду, бросил на пол и голяком
плюхнулся в прохладную подсвеченную воду. Вынырнул, от-
фыркиваясь: да, бассейн – это хорошо! Поплескался минут
десять, потом подплыл к бортику, надавил кнопку. Рысью
вбежал камердинер Васька с простынкой, халатом и шлепан-
цами.

– С приездом, Дмитрий Иванович! – поклонился он.

Не удостоив его ответом, Митенька вылез из воды. Васька
проворно накинул простыню, растер спину.

– Костюмчик какой к обеду приготовить, Дмитрий Ива-
ныч? Сорочку? Галстук?

– Сообрази сам, не маленький! – рассеянно махнул рукой
молодой хозяин, – И исчезни, скотина, думать мешаешь!

Ни о чем таком важном он сейчас не думал, но стро-
гость-то нужна, верно?

Шаркая задниками шлепанцев пошел гардеробную. Вась-
ка уже стоял наготове с песочным костюмом от Гуччи. Опу-
стившись на колени, натянул на протянутые ноги носки, раз-
гладил складочки. Подал рубашку, брюки, завязал галстук,

вдел в манжеты запонки.

Посмотревшись в трельяж, Митя остался доволен, а, по-сему, Васька избежал подзатыльника.

Обед был накрыт в малой столовой. За столом папахен, очередная мачеха Верка (чуть старше пасынка!) и Тимофеич. Сел, заложил салфетку. Официанты разнесли закуски, сомелье Гастон набулькал винишко.

– Ну, Митенька, как там, в Оксфорде? Уроки-то, учишь? – благодушно осведомился глава семьи, выпив первую рюмку.

– Нормально... – буркнул сын, не отрывая глаз от тарелки.

– Корень учения горек, а плод его сладок! – изрек папаня с тошнотворным пафосом, – Трудно, сынок? Вот, смотрю, хвосты у тебя за последний семестр, аж две штуки. Латинский и это... римское право. Может, тьютора поменять, а?

На душе стало кисло. Опять начинает воспитывать, старый хрен!

– Папаня, ну зачем мне, благородному человеку, вообще это надо? Универ этот? Мне предназначен более высокий удел! Ну, окончу я курс, и что? Работать идти? В жизни дела поинтересней есть!

Иван Пантелеевич задумчиво рассматривал рюмку с налитым в неё первачом. Ничего другого, кроме лично выгнанной и очищенной самогонки он не пил. С неё, родимой, собственно, и поднялся в восьмидесятых. Слова сына были огорчительны.

– Да ты хоть намекни, что за удел такой, более высокий,

сделай милость! – ласково спросил он и поднял глаза на наследника.

– Не знаю, не решил ещё, – отрезал тот, намазывая масло на редиску.

– А я тебе подскажу: удел твой – власть! Людьями руководить! Меня давеча вторым по богатству в стране обозначили, а в мире – пятым. Делов, проектов – не счесть. Людей, за которых я в ответе – уйма! И кто, ежели не ты, мне подмогнёт? Деньги, сынок, особенно большие – это ж и большая ответственность! И железная рука нужна, чтобы хозяйством управлять, иначе сгинет все, без хозяйского присмотра, в одночасье. Верно я говорю, Коля? – обернулся он к шефу охраны.

– Верно, Ваня! – подтвердил тот, называя хозяина по имени на правах друга детства.

– Папаня! – взвился Митя, – Какого...

– Такого, сынок, такого! – рявкнул отец, стукнув кулаком по столу, – Благородному человеку выше удела нет, чем о стране, о людях заботиться! Конечно, среди нас, чувашей толстопятых, благородных сроду не было, только сейчас-то времена другие! Верно ты говоришь, в благородные выходим! Я-то лаптем лыковым и помру, а на тебя надежду имею, что в верхние люди выйдешь. Передел власти сейчас идет, понял? В раньшее время-то, в князья, конунги, крули кто выходил? Ни хрена не голубая кровь, а умные, хитрые и сильные! Организаторы! Кто сильнее, тот и прав, сынок, и сей-

час это особенно актуально. А ты что? Плынешь по течению, развлекаешься, дело тебе мое не интересно. Обидно! Конечно, ежели рассудить, денег моих тебе в десять жизней не потратить, чего там, только хотелось бы тебя все же при деле увидеть, а краше всего – у руля.

– Самогонкой торговал, о народе, значит, заботился? – недобро ощерился Митя.

– Э-э, ты меня самогонкой не попрекай! Время было такое, в мутной воде любую рыбку надо было успеть поймать, чтоб стартовый капитал заделать. Теперь-то, у меня на спиртик сертификат есть, и все остальные дела чин по чину, стыдиться нечего. А масштабы и ситуация поменялись. Сил и денег нынче много, пора и о стране подумать, о народном благе – через это многие прежние грехи спишутся!

– Ага, утром мажу бутерброд, сразу мысль: а как народ? – язвительно процитировал Леонида Филатова отпрыск, роняя на пол булочку.

С досады пнул хлеб так, что чуть равновесие не потерял. Все в столовой замерли.

– Грех, сынок, хлеб-то пинать! – ровным, тихим голосом, упирая на «О» произнес Иван Пантелеевич, – Подними, однако!

– Да что я, за всяким барахлом наклоняться буду? Слуг в доме нету, да? – истерически завопил Митя.

– Это – хлеб, не барахло. Под-ни-ми. – в голосе владельца заводов, газет, пароходов, олигарха Совина по прозвищу

«Сова» упруго звякнула сталь.

Слуги втянули головы в плечи. Тимофеич поёжился. Ещё миг – и... Картина Репина «Иван Грозный и Сын его Иван» в натуре! Только Вера не поняла остроты момента и продолжала жевать. Она была красивая. Точка.

Большими шагами Митя пересек столовую и, шепотом ругаясь по-английски, поднял булочку. Демонстративно положил её перед отцом на тарелку и выбежал вон.

Иван Пантелеевич взял хлеб, по крестьянски поцеловал, перекрестился и положил в рот. Щелкнул пальцами. Подскочил официант, налил воды. Обед продолжался. Без наследника. После долгого молчания олигарх положил руку на плечо Тимофеича:

– В восемь у меня, на кухне. Форма одежды – трусы и майка. Пивка принеси. Думать будем, Коля!

Глава вторая

Иван Пантелеевич Совин был дядька деревенской за-
кваски, не отягощенный излишним образованием. Смекалки и умища, тем не менее, имел в избытке. Мастер был на все руки и изобретатель, вроде Кулибина. В сорок с лишним лет освоил английский за год, правда акцент был жуткий. Как он за двадцать лет нажил огромное состояние, мы здесь рассказывать не будем, тем более, что и сами хорошенько не знаем, но одно ясно: кроме эпизода с самогонкой, которая, кстати, была лучше государственной водки, ничего противозаконного в его обогащении не было. В созданной им империи он был мудрым и справедливым владыкой. Диктатором, если хотите. Работники благоденствовали. Единственное, что каралось сразу и беспощадно, была ложь, даже маленькая. И воровство, разумеется. Лучшего менеджера по продажам трикотажа, например, он выгнал с волчьим билетом, когда тот соврал, что опоздал на совещание из-за спущенного колеса (на самом деле просто проспал!).

Обретя огромное богатство, Иван Пантелеевич остался человеком скромных запросов и привычек. Конечно, на людях он одевался в дорогие костюмы, приемы и даже частные обеды поражали изысканностью и высочайшим качеством блюд и вин, дом – роскошью интерьеров. Но, будучи один, просил повара отварить картошечки, а к ней – селедочки

с лучком. Или щей и пшенной каши. Имел он и персональное убежище – однокомнатную квартиру в собственном дворце, копию хрущевки периода шестидесятых. Дощатые крашенные полы, простенькие обои, портрет Гагарина, диван-кровать, радиола и черно-белый телевизор «Рекорд». На кухне – буфет с разнокалиберными чашками, газовая плита с простецким алюминиевым чайником, стол под клеенкой и табуретки. Сюда был вхож только Тимофеич. Даже убирался в этом жилище олигарх сам, отдыхая душой во время мойки полов.

Сейчас он сидел в семейных трусах и майке на диване и слушал старую пластинку ансамбля «Самоцветы»: На дальней станции сойду, трава по пояс...

Звякнул дверной звонок. Подошел в обитой дерматином двери, открыл. На пороге стоял Тимофеич в трениках и майке, с авоськой пива в руках.

– Проходи, Коля, прямо на кухню! – пригласил хозяин.

Сели за стол, налили пиво в граненые стаканы. На закуску – соленые сушки. Хорошо хрустят!

– Что, Коля, насчет Митьки думаешь? – поинтересовался Иван Пантелеевич, вытирая пену с верхней губы.

– По порядку, Ваня? – ответил вопросом на вопрос друг детства, ломая в кулаке сушку.

– Давай по порядку... – отец собственного сына сделал долгий глоток из стакана и приготовился слушать.

– Потенциальный лидер. Жизненные приоритеты не опре-

делены. С людьми ладить может, но с обслуживающим персоналом груб до рукоприкладства. Расист, или считает себя таковым. Антисемит, хотя с евреями никогда близко не контактировал. Хорошо развит физически, но ленив, в спортивных соревнованиях редко достигает победы. В отношениях с женщинами крайне привередлив, несколько робок. Услугами проституток не пользуется. К извращениям не склонен. К насилию не склонен. Избалован, пресыщен роскошью. Хорошие способности к учебе, но из-за лени учится хуже, чем мог бы. Главным в жизни считает развлечения и удовольствия. Вредные привычки: курит анашу, умеренно и нерегулярно. К алкоголю не склонен. Тяжелые наркотики не употребляет. Склонности к азартным играм не проявляет. Патриотизм не развит, считает себя человеком мира, космополитом. Владеет английским и испанским языками в совершенстве. Французским – ограниченно. Увлекается живописью, но учиться не желает, ограничивается дилетантским уровнем. Увлекается оружием, особенно старинным. Изучал боевые искусства, отзывы тренеров хорошие. Главным недостатком считаю отсутствие воли к победе. Трусоват, вернее, чрезмерно осторожен, пасует перед сильным соперником. Тем не менее, может идти до конца, что доказало участие в нескольких драках в Англии и Испании. Резюмируя выше сказанное, можно рекомендовать радикальную смену обстановки, которая поставила бы его в условия максимальной мобилизации всех сил и способностей.

– М-да, задачка... Говорят, только тот счастья достигает, кто испытал голод, любовь и войну. Может, зря я его от армии отмазал, а? Послужил бы, узнал, как портянки пахнут, да попердел бы, шрапнели наевшись, копая окопы... Может, и вставило бы ума?

– Возможно, Ваня. Армия почти всем на пользу идет. Только индивидуалисты, вроде него, её не переносят, ломаются. И – напополам, окончательно.

– Налей-ка ещё... Спасибо! – Иван встал, подтянул трусы, поставил на радиолу «Трио Маренич».

Зазвучало: Нэсе Галя воду, коромысло гнеться...

– Ай, люблю хохлов! Душевно спивают... Прав ты, Коля, встряска ему, Митьке, нужна! И есть одна мысль... Ты пей, пей!

– Да я пью...

– Значит, ставлю задачу: поставить Митрия в такие условия, чтобы почувствовал себя не барчуком, а борцом. Чтобы делом заинтересовался, научился глотку рвать для достижения цели. Жесткость в нем разбудить надобно, понял?

– Понял, Ваня. А как?

Олигарх сощурился:

– А вот как...

Внимательно выслушал его Тимофеич, и глаза полезли на лоб.

– Ну, ты голова, Ваня! А, знаешь, сработает, точно тебе говорю!

– Надеюсь! Сколько стоить будет – мне без разницы. Спецов найми самых лучших. В Швейцарию съезди, в Ватикан, в Африку. Стройку начни в ближайшее время, место сам выбери. И чтоб комар носу не подточил! Особое внимание – мелким деталям. Отвечаешь лично. Второй такой возможности у нас не будет. Будет готово – мне покажешь. Секретность верхняя. Завтра с утра начинай работать! А сейчас, давай ещё по пивку. Давно так не сидели с тобой душевно! Погоди, тебе, ведь, через месяц пятьдесят семь стукнет?

– Ага! Я ж тебя на полгода старше!

– Эге! Но, мы же не старые с тобой, а, Коль?

– Не, есть ещё порох пороховницах, есть и ягоды в ягодицах!

– Опять мне морока, что тебе на день рожденья подарить...

Глава третья

Прошло полгода, а воз и ныне там! Как летали коммерческими рейсами, так и летаем! Последняя забастовка грузчиков в Мадридском аэропорте на пять часов задержала! Когда ж аэроплан-то папаня родит, а? И сколько можно в отеле на Мальдивах жить? Говорил же: папаня, я туда часто наезжаю, клуб у нас там дайверский и рыбалка, а отель убогий, персонал – обезьяны, по-человечески не понимающие. До смешного же доходит: заказал грейпфрутовый сок, из флоридского грейпфрута, спецом сказал: флоридского! Так нет, притащили местный! А его в рот не возьмешь, он же не розовый! Давай, говорю, дом построим, нормальных слуг привезем, хоть перед людьми не стыдно будет, а то спрашивают: ты на Мальдивах где остановился? А я, как дурак, отвечаю: в Хилтоне... Слово-то какое: «остановился»! Типа, покакать! А был бы дом, отвечал бы: живу я тут! Мимо не пройдешь, дом Совина всякий покажет! А папаша: нерационально! Триста пятьдесят дней в году дом простаивать пустой будет! Ну, пустой, ну и что! Зато, когда надо, крыша над головой нормальная... Нет, как бы на него нажать, а? Ведь деньги девать некуда, чего ж жадиться на аэроплан? И с учебой достал окончательно: ученье свет, а неученье – тьма, корень учения... и так далее, по списку! Ну, получу адвокатский диплом, и что? Папа Ваня! А будешь юридиче-

скую службу контролировать, говорит! За зарплату, а как же! Смешно!

Митя шёл по тропинке между буков. Ему здесь нравилось. В Италию он прилетел на семинар по Римскому праву, организованный его колледжем в рамках программы студенческого обмена. Вот уже третий день он жил в живописном кампусе в Апеннинах, среди нетронутой природы и симпатичных итальянских студентов, причем студентки преобладали. Телохранитель Кузя деликатно шел с сумкой в десяти шагах позади. Вот, после этого поваленного ствола водопадик, а за ним – теннисные корты... Сзади раздался приглушенный шум и невнятное восклицание Кузи. Что ещё за ...? Свет померк, отсеченный вонючим мешком, накинутым на голову. Чьи-то руки проворно опутали тело веревкой, подхватили и понесли.

«Похищение!» – успел подумать Митя и забился в тщетных попытках вырваться. Удар по голове чем-то тяжелым и мягким, вроде мешка с песком, отключил сознание.

Очнулся он совершенно голый в каком-то сарае, а может, и в хлеву, судя по мощному запаху навоза. Солнечные лучи проникали сквозь дырявую крышу и щели в стенах, образуя четко очерченные столбики света с играющими в них пылинками. На земляном полу, усыпанном соломой, сидели и лежали с полдюжины человек, Кузя в том числе. Все были голые и прикованы к длинной цепи, пропущенной сквозь на-

ручники. Нет, не наручники! Кандалы! Грубо кованные кандалы! Митя и Кузя были крайними. Увидев, что хозяин пришел в себя, телохранитель дернулся к нему:

– Дмитрий Иваныч! С Вами всё в порядке?

– Кой хрен, в порядке! Башка разламывается... Похитили меня!

– Уж похитили, так похитили! Ничего сделать не смог, Дмитрий Иваныч, уж извините! Они меня сразу оглушили. Думаю, не меньше пятерых навалилось.

– Да пес с тобой! Навалились на него... Что теперь-то делать? Пусть хоть одежду отдадут! Свинство какое... Папаня выкуп заплатит, сколько скажут, только пусть условия нормальные создадут сперва. Приходил уже кто-нибудь?

– Не, я как очнулся, никто не приходил, только эти...

Митя присмотрелся к соседям. Трое смуглых парней его возраста, один мужик постарше, лет тридцати, один пожилой, седоватый.

– Кто-нибудь говорит по английски? – громко спросил сын олигарха.

Недоуменное молчание было ответом.

Вопрос был повторен по испански и по французски – та же реакция. Язык, на котором говорили пленники, опознать не удалось.

– Во, блин, влипли! Что, вообще, происходит? Кто они все такие?

– Думаю, Дмитрий Иваныч, их тоже похитили...

– Не тебя спрашиваю! Где тут, хоть, сортир-то?

Вопрос повис в вонючей атмосфере хлева без ответа. Поёрзав, кое-как примостился у стены. Задницу больно кололи сучки и камешки, но, что ж делать!.

Прошел час. Или больше, не поймешь без ходиков. Стукнул засов, дощатая дверь распахнулась, и в хлев вошли двое, явно братья. Один, старший, держал короткую дубинку, другой тащил котел и миски. Одеты оба были в туники из грубой ткани и сандалии. В глиняные щербатые миски младший вертухай черпаком раскладывал какую-то крутую кашу и раздавал её узникам. Ложек при этом не выдавал. Получивши миску, арестанты садились на корточки и начинали есть прямо руками. Получил миску и Митя. Определить злак, из которого была сварена каша, он не смог. В миске также нашлось несколько кусочков мяса и сала. Запах был так себе.

– Мужик! Старшего позови! – воззвал Кузя по английски и по французски.

Старший недоуменно взглянул на него, засмеялся и что-то негромко сказал раздатчику. Тот тоже засмеялся, кивнул и ответил. До наших узников донеслось слово «галл» или что-то вроде.

Увидев, что Митя с Кузей медлят приступать к трапезе, старший вертухай показал жестом, мол, ешьте быстрее, и погрозил дубинкой. Пришлось быстренько очистить посуду, обжигаясь и давясь. Жратва Мите не понравилась, но объяв-

Лясть голодовку было глупо на данном этапе, пока похитители не выдвинули свои требования. После того, как миски были собраны, был выдан кувшин воды литров на восемь – тоже глиняный. Пили все в очередь прямо из него, помногу, в запас. Митя тоже напился, понимая, что может пройти много времени, прежде чем принесут ещё. Вода была чистая, ключевая. И на том спасибо!

Дверь снова захлопнулась. Судя по наклону солнечных пыльноватых столбиков, день клонился к вечеру. Делать было нечего. Только ждать. Время от времени кто-нибудь из арестантов отходил в дальний угол и, не стесняясь, справлял нужду. Воздух это не освежало, но выбора не было. В сумерках опять пришли давешние вертухаи, принесли несколько охапок свежей соломы. Зарывшись в солому и прижавшись к друг другу для сугрева, заключенные стали готовиться ко сну. Соседи тихо переговаривались на своем непонятном языке. Кто-то явно молился. За стеной чирикала ночная птица, заканчивая каждую фразу чем-то вроде вопроса: ток-ток? Шуршали мыши. Сквозь вонь тянуло дымом: где-то рядом было жильё. Непонятный день закончился. Что-то будет завтра? Митя уснул.

Проснулся утром от зуда: за ночь клопы, а может, и кто похуже, искусали ноги и живот. Яростно почесавшись везде, где мог достать скованными руками, поднялся. Тело за ночь слегка одеревенело, но холода не чувствовалось. Сделав несколько приседаний и помахав руками, почувствовал

себя лучше. Гремя цепью, сходил в угол, оправился. Остальные, зевая и почесываясь, также встречали новый день заточения.

– Я, Дмитрий Иванович, до полночи пытался цепь сломать, или руки из кандалов вынуть. Только не вышло. И кандалы не ключом заперты, а заклепаны на заклепку. Зубило нужно! – сообщил Кузя.

– Сам вижу, не фига и пытаться.

Отворилась дверь и принесли завтрак – ту же кашу и кувшин. Процесс принятия пищи уже не вызывал такого отвращения, как вчера. Быстро поев и попив, Кузя снова попытался установить контакт с тюремщиками, но те лишь пожали плечами, и пересмеиваясь, вышли. Не прошло и часа, как они вернулись. Старший показал дубинкой на выход. Цепочка голых мужиков, спотыкаясь и путаясь в цепи, вереницей двинулась из сарая. Они оказались во дворе окруженного стеной из дикого камня приземистого дома с оконными проемами без стекол. В дверях, закрываясь рукой от солнца, стояла и смотрела на пленников совершенно русская баба – в длинной рубахе, фартуке и платке. Поодаль стояла арба с огромными колесами, запряженная парой быков. Быки меланхолично жевали жвачку, туповато помаргивая лиловыми глазами и отгоняя мух подергиванием ушей. Мальчишка лет десяти усердно тер им спины пучком соломы. Увидев пленников, он засмеялся и что-то крикнул вертухаям. Те ответили и подвели цепочку к колодцу. Митя, к своему изум-

лению, сумел распознать несколько слов: это была латынь! Недаром он учил этот язык уже три семестра! Он разобрал слово «рабы», «вода» и «достаточно». Но этого же не может быть! На латыни никто не говорит, мертвый язык! Тем временем их построили около колодца, и младший вертухай стал по очереди окатывать их водой из деревянной цыбарки. Такие, значит, водные процедуры. Вода была холоднющая, но никто не возражал. Смыть хоть немного грязь и освежить зудящие расчески было приятно. После омовения старший надсмотрщик выдал каждому стиранную тряпку, которую надлежало использовать как полотенце и набедренную повязку. В меру способностей Митя и Кузя справились с этой задачей.

Критически осмотрев посвежевших арестантов, хозяева загнали их на арбу. Мальчишка легонько хлестнул быков прутиком и, взяв под узцы правого, повел со двора по каменистой пыльной немощеной дороге, извивавшейся между деревьев. Старший из братьев, засунув дубинку за пояс, развлекался тем, что хлопал кнутом, сбивая им придорожные репейники. Младший, идя рядом с арбой, долго косился на Кузю, затем спросил:

– Галл?

Кузя не понял, и Митя объяснил, что галлы жили когда-то на территории нынешней Франции. Кузя изумился:

– Какой я им, нахрен, галл! А по-каковски они, вообще, говорят-то, Дмитрий Иваныч?

– Вроде, по латыни. Сейчас попробую спросить...

Напрягши память, составил в уме фразу. Спросил:

– Куда едем?

Конвоир охотно ответил:

– На рынок.

Он сказал ещё что-то, но Митя не понял.

– На рынок нас везут, Кузьма.

– На рынок? А за каким? Ничего не понимаю! – обескураженно отозвался телохранитель.

В животе у плененного сына олигарха забурчало от нехороших предчувствий.

Нет, как это все понимать? Говорят по латыни, одеты в туники, везут на рынок. Явно не картошку грузить! Что за хрень? И где мы, вообще, находимся? Признаков цивилизации ни хрена что-то не усматривается... Ни телеграфных столбов, ни дорожных указателей, ничего от двадцать первого века. Даже дорога выглядит так, как будто по ней сроду машины не ездили. Эй, вот и деревня! Да странная какая! Посередине довольно большая площадь с фонтаном, дома вокруг с не застекленными окнами. Только занавески и ставни. Вон, явно, храм какой-то, с деревянными колоннами и очагом с потухшими угольками. В дверном проеме виднеется статуя голой тетки в венке. Народу на площади всего десятка два, что-то продают с крытых прилавков. Несколько теток с маленькими детьми и корзинками оживленно торгуются за какие-то овощи. День явно не базарный! Вон мяс-

ник сучает, ножик точит. Мух вокруг тучи – требуха прямо на земле валяется. Покосился на арбу зверем, погрозился ножом. А мы-то здесь причем? Оп, стой, раз-два! На помост, значит, надо подниматься. Ну-ну...

Их выстроили на помосте недалеко от храма. Мальчишка притащил из фонтана воды в кожаном вонючем ведре. Все напильсь и стали ждать. Немного погодя к старшему, который с дубинкой, подошел дядька средних лет, в тунике и плаще, причем туника была получше качеством даже на глаз. Явно здешний смотритель рынка, или как там это правильно называется. Переговорив, получил несколько монет. Монет! Кто ж сейчас монетами расплачивается! Сделав какие-то пометки железным штырем на вощенной дощечке, ушел. Старшой взобрался на помост, набрал воздуха в пузо и завопил: – Рабы! Свежие, дикие рабы!

Митю как громом ударило. Действительно, латынь, все слова он понял. Но рабы! Их что, продают?! Вот так, открыто? Как же это...

Покупатели не спешили расхватывать товар. Подошла парочка бродячих собак, приняхались, затем разлеглись в тени помоста. Девчонка лет десяти остановилась поглазеть. Что-то пошутила с сыном хозяина, сама же залиvisto рассмеялась. Побрела дальше, загребая пыль босыми ногами. Примерно минут через двадцать подошел мужичок, по виду крестьянин. Потыкал пальцем в живот одного из парней, задрал губу, осмотрел зубы. Зубы были не очень. Отойдя в сторон-

ку, долго торговался с хозяином. Наконец, поладили. Парня отцепили от общей цепи и новый владелец увел его. Тот не сопротивлялся.

Рабовладелец, сидя на чурбачке у помоста, время от времени лениво повторял свой рекламный призыв. Солнышко припекало, донимали мухи. Вдруг хозяева оживились: к помосту приближались крытые носилки с кисейными занавесками. Носилки тащили восемь потных африканцев в белых набедренных повязках. Рядом важно ехал верхом дядька в расшитой чистейшей тунике и белом плаще с пурпурной каймой. В руке у него был кнут. Щелкнув, спугнул с дороги старика с осликом. По сигналу носилки поставили на землю, и из них выглянула богато одетая тетка лет тридцати пяти. Или старше. Макияж на тетке был совершенно непривычного вида: густо наведенные брови, румяна во всю щеку. В то же время ни теней на веках, ни губной помады. В ушах – тяжелые золотые серьги, множество браслетов на запястьях, все пальцы в перстнях с самоцветами.

Вот оно что, кино снимают из древнеримской жизни! Только, как я-то попал, по ошибке, что ли? Ну, держитесь гады, будет вам кино! Документальное! Не расплатитесь, в тюрягу упеку! Щас, выйдет режиссер, крикнет: стоп! Снято! И все разрешится... Но – увы! И камер, камер нигде не видно...

Тетка в носилках, улыбаясь, показала на Кузю. Тот приосанился. Мужик в плаще спешился, подошел и сдернул

с него набедренную повязку, как фантик с конфеты. Кузя ахнул, и попытался прикрыться ладошкой. Хозяин легонько треснул его дубинкой по рукам и богатырь Кузя предстал во всей красе своих двадцати пяти лет. Во всей компании он был самый высокий и мускулистый. Тетка задумчиво прожурчала что-то, и хозяин, поддев дубинкой мошонку Кузи, продемонстрировал его мужское достоинство. Тетка кивнула и сообщила, что экземпляр отличный.

– Да что же это, Дмитрий Иванович! – едва не плача завопил красный, как мак, Кузьма.

– Сказала, что ты – отличный экземпляр. Купить хочет, – пояснил тот.

– Как это, купить? Нет у них такого права! Да и зачем я ей?

– Права, может, и нет, но уже, похоже, купила! Вон, смотри, мужик расплачивается! А зачем... Там разберешься!

Мешочек с монетами перешел в руки старшего. Младший хозяин снял Кузю с общей цепи. За наручники привязали веревку. Другой конец взял мужик в плаще. Потянул, жестом пригласил новокупленного раба следовать за процессией. Кузя уперся. Тогда новый хозяин, ни секунды не колеблясь, огрел его тяжелым кнутовищем поперек спины, аж гул пошел. Старый хозяин, ослабясь, тоже вытянул парня кнутом. Не сильно, впрочем, но на спине вспух рубец! Ни фига себе, кино! Бывший телохранитель обернулся, на лице у него была боль и растерянность. И тут Мите стало по-настоящему страшно: впервые за много лет он оставался сам по себе.

Папаня! Тимофеич! Где вы? Какие тут шутки, понимаешь! На похищение и киносъёмку все происходящее уже совсем не походило. Тогда что, розыгрыш? Но ради чего? И кто? Да и слишком все серьезно, чтобы быть розыгрышем. И мухи всерьез, и Кузю огрели не шутейно, и... да, вообще, все! Латынь... непонятно.

Тем временем солнце поднялось высоко. По ощущениям, было около полудня. Время обеда, или как? У фонтана трое пацанов лет семи-восьми играли во что-то вроде лапты. Играли азартно, даже подрались один раз. С кислым выражением на лице, посмотрев на солнце, старшой дал пригоршню монет сыну и тот принес несколько ковриг хлеба. Разломав каждую пополам, вручил непроданным рабам. Ещё одну ковригу подал нищей старухе, сидевшей у храма. Та громко произнесла благословение: что-то о милости богов дающему щедро купцу. Митя взял свою пайку. Хлеб был серый, душистый, тёплый. Видимо, из муки грубого помола и с отрубями. Вкусно, а может это с голодухи? После еды всех напоили, и по одному сводили в сортир – обычную дощатую будку на краю базара, без двери, с дерюжной занавеской.

Попозже продали ещё одного парня, видимо, за небольшие деньги, так как хозяева долго ругались и Митя уловил слово «недостаточно». Ценообразование оставалось загадкой.

Наконец, подошла и его очередь. Подошли двое. Один – одетый богато, с перстнями на пальцах, пожилой, полный.

Другой – лет тридцати, в кожаном нагруднике и кожаных же крагах на предплечьях. Волосы длинные, забраны в конский хвост. На поясе короткий меч. Военная, короче видуха. Сходу тот, который с мечом, ткнул пальцем в Митю. Пожилой одобрительно покивал, спросил что-то у хозяина. Старшой, насколько понял Митя, ответил в том смысле, что раб этот – чужестранец, отловлен вчера, возможно с потерпевшего крушение корабля. С какого ещё корабля? Здесь до моря полдня на машине... Военный парень пощупал мускулы, осмотрел зубы, улыбнулся поощрительно. Спросил имя. Митя назвал-ся:

– Дмитрий.

– Димитриос? Эллин? – удивился пожилой, – На Койне говоришь?

Наш герой только головой покачал. Что такое Койне, он, конечно, не знал. Военный спросил, улыбаясь, откуда Димитриос родом. Митя показал на восток. Точнее все равно не объяснить на данном этапе. Пожилой долго торговался со старшим. Минут сорок. Старшой не уступал, что-то горячо втолковывая и размахивая руками. По его выходило, что Димитриос очень ценный кадр. Даже достал из-под сена Митину ракетку для тенниса и показал покупателям. Те осмотрели, пожали плечами. Пытались выяснить у покупаемого, что это за предмет, но тот объяснить не смог из-за малого запаса слов. Через час высокие договаривающиеся стороны все-таки поладили, ударили по рукам. Купля-про-

даже состоялась. Цена, видимо, была немалая, потому что монет старшему отсчитали много. Больше, чем за Кузю, отметил Митя. Что ж, все не так обидно! Сняли с цепи. Военный, добродушно улыбаясь, предложил идти с ними. Пошел, куда же деваться. За углом у них была телега, запряженная парой мулов. Новое приобретение уложили на сено. Военный вытащил из-под сиденья кожаный бурдючок, глотнул сам, предложил Мите. Вот это правильное отношение! Осторожно отпил: красное вино, кислое и невызревшее. Но для укрепления душевных сил и это неплохо! Мулы тронулись, и перешли с шага на размеренную рысь. Митя вскоре укачался. Устал, опять же, полдня стоявши на солнце. В небе, кроме облаков, ничего не было видно. Клонило в сон, и сопротивляться он не стал.

Глава четвертая

Восемью днями раньше.

– Так, Коля, докладывай.

– Стройка закончена, Пантелеич. Сам видел, место хорошее, заповедник. По времени – 74 год до рождества Христова.

– Почему, кстати, именно этот год?

– Потому, что именно об этом периоде удалось собрать больше всего информации за время, нам отпущенное. Все участники проекта подробнейшим образом введены в историческую ситуацию, легенды выучены наизусть. Применялись спецметодики перевоплощения. Будь уверен, сморкаются в два пальца, бреются клинковыми бритвами, и даже во сне не говорят на родном языке. Косметика – и та соответствует. Пользуются деньгами, которые мы начеканили, цены на базаре какие положено. Деревня отстроена на раскопках поселка, почти полностью повторяет оригинал. Школа построена на месте хутора в десяти километрах от деревни, соответствует обычной небольшой усадьбе. Все строения состарены. Технология выдержана в стиле эпохи. Весь инвентарь – точные реплики оригиналов того исторического периода, вплоть до иголок и зеркал. Состарен соответственно. Целая армия кузнецов трудилась! Итальянское правитель-

ство пошло навстречу в смысле территории и разрешения на стройку, поняв, что этот кусочек Римской Империи станет отличным туристским аттракционом, когда наш в кавычках эксперимент закончится. Они считают, что мы художественно-документальный фильм собираемся снимать! Типа, скрытой камерой.

– Что о людях, занятых в проекте?

– Насобирали по всему миру специалистов по классической филологии, как и было задумано. Все бегло говорят по латыни, и с восторгом – слышь, Ваня! – с восторгом приняли предложение пожить древнеримской жизнью. В суть никто не посвящен, кроме непосредственных участников: владелец школы – профессор из Ватикана; этот... забыл, как правильно называется... Ну, тренер, в общем – доцент из Рио, чемпион Бразилии 1999 года по фехтованию. Трое учеников школы – все мастера фехтования и каскадеры. Из Аргентины. По роли, латынью владеют рудиментарно, между собой говорят на индейском диалекте. Себя называют иллирийцами. Это все, кто в курсе дела насчет Дмитрия. Ещё в школе есть: десять человек – кочевые евреи из Йемена, по случаю принаняли, эти вообще больше для толпы. Они из первобытно-общинного строя. Говорят только на своем диалекте. Кроме кочевья по пустыне ничего не знают, во времени не ориентируются. В смысле, им все равно, какой на дворе год и уровень технического прогресса. Ещё четверо ребят из Судана – то же самое, первобытные люди.

Отличное прикрытие. Охрана школы – пять доцентов, по роли – солдаты-ветераны. Отличная выправка! В суть не посвящены. Обслуживающий персонал: повар, помощник, три раба. Все из Эквадора, Университет Кито. Прошли спецкурс по кулинарии, готовят неплохо. Проститутки, числом четыре – свиарки, доярки, птичницы. Все они, конечно, рабыни. Но, даже в этом статусе рады пожить в легендарной эпохе! По латыни говорит только две – аспирантки Сорбонны. Двое остальных: одна с Сардинии, говорит на диалекте, очень близком к латыни, другая – англичанка, специалист по древнегерманским языкам. Тевтонку и изображает. Латынь – рудиментарная. Прошли специнструктаж по личной гигиене и пользованию косметикой. Подмышки, ноги и лобки не бреют! Трусов не носят. Впрочем, бельё никто не носит, не было тогда белья-то! Блохи у всех. Все 385 человек в течение двух последних месяцев живут залегендированной жизнью, отлично вжились в образы. Также считают, что готовится съёмка фильма скрытой камерой.

– А, эти, аристократы? – Иван Пантелеевич ткнул пальцем в фотографию, где была изображена супружеская пара в богатых нарядах.

– Эти живут вне пределов проекта, но периодически появляются в деревне: базар там, в храм сходить. Муж и жена из Принстона. Вжились в роли патрициев отлично, даже рабов в кавычках иногда всерьёз лупят, когда в проект приходят. Пришлось «рабам» приплатить за побои, х-м... немало.

Рабы терпят, за большие-то деньги!

– Через восемь дней проект стартует. Расчетное время – тридцать два дня, так по сценарию. Возможные варианты просчитаны?

– Просчитано все. Осечки быть не может. Назад пути тоже нет, только вперед.

– Тьфу, тьфу, тьфу! Чтоб не сглазить... Смотри, Коля, чтоб волос с его головы не упал!

– Не сумлевайся, Ваня. Профессионалы работают.

– Как насчет медицины?

– Жрец храма Юоны. Военный врач-хирург в отставке, саратовец. Латынью владеет в совершенстве. Прошел религиозный инструктаж по культу Юоны и большинству прочих богов. Энтузиаст. Полный набор медикаментов на все случаи. Замаскированный, конечно, под соответствующие времени лекарственные формы. Хирургические инструменты той эпохи – полная укладка. Справится со всем, кроме больших полостных операций.

В общем, работа проделана огромная, особенно с учетом деталей быта. Единственно чего не хватает – детей и стариков. Детей, говорящих по латыни, нашлось всего пятеро, как ни искали, причем девчонка только одна – одиннадцать лет. Карапузов, не говорящих вообще, пропорционально населению, восемнадцать штук. Старикан всего один. И старуха. Хотели подгримировать ещё хотя бы парочку, но раздумали: Митрий грим может заметить. Надеемся, что это, в смысле

недостаток стариков и детей, сильно в глаза не бросится. Да и будет он в деревне, по сценарию, всего один раз. Ребяччя задеЙствована грамотно, близко подходить не будут, кроме одного – сына рабовладельца в кавычках. Старики тоже мелькнут на заднем плане ненавязчиво.

– Животные?

– Обычный деревенский набор: лошади, мулы, ослы, коровы. Дворняг завезли. Есть куры, овцы, козы, свиньи. Все как у людей! И никакой экзотики.

– Как насчет самолетов?

– Все договорено. Я ж говорил, правительство пошло навстречу. С позавчера заповедник объявлен закрытой зоной. Весь воздушный транспорт летит в объезд, увидеть самолет с земли там невозможно. На дороге шлагбаум, охрана. Мышь не прошмыгнет.

– Мусор?

– И мусора нет, Ваня! Вернее, есть, но характерный для эпохи. Никаких пластиковых пакетов, бутылок, ржавого железа. Да и не было там мусора, по большому счету. Заповедник же!

– Дорога?

– Дорога соответственная. Колеи в меру, посыпана щебенкой. Скот гоняем, так что навозу полно. Машины не ездили ни разу, отпечатков шин не найдешь.

– Растения?

– Плодовые деревья почти все прижились хорошо. Кусты,

цветы и прочие кипарисы – тоже.

– Так, ладно. Что добавить можешь?

– Да, пожалуй, ничего... Слушай, а может, и вправду, фильм снимем? Скрытых камер понаставим, а?

– Ни в коем случае! Потом – сколько хочешь. При нем нельзя: вдруг хоть одну заметит, все ж насмарку пойдет.

– Ну, тогда... добро?

– Добро! Начинай, Коля!

Глава пятая

Во, кажись, приехали! Усадьба ничего, богатая. Ворота высоченные, забор каменный с пиками поверху. О, на воротах охранник! Серьезный мужик, ага! И копьё, и меч имеют место быть. Выправка хорошая, сразу видно – старый служака. Шлем только снял, от жары, наверное. Банданой повязался. А вон, на вышке, ещё один, такой же. С луком, ха! Солидно у них тут... Куда ж это я попал-то? Видно, не просто хутор. ... Так, это что, двор? Станный двор, не крестьянский, хотя хлев и присутствует, вон, корова мыкнула. Ещё одна стена глухая, и тоже с пиками. Похоже, мне туда. Точно, туда, вот и военный показывает.

Митя, освобожденный от кандалов двумя ударами молотка по зубилу, прошел вслед за новыми хозяевами в калитку. Оп-па! Что-то вроде спортплощадки, ребята тренируются... Эге! Да это же военная школа! И впрямь, на мечях деревянных фехтуют! И манекены, и турник...

– Гладиатор! – ласково погладил его по голове пожилой, видно, хозяин школы, – Присмотрись пока!

В глазах помутилось, подкосились ноги. Это ж надо, угрозило в гладиаторскую школу быть купленным! Кузьке повезло, его, похоже, на племя купили... или хозяйку удовлетворять, вон как она евонный причиндал рассматривала, с вожделением... Живи и радуйся, как говорится. А мне –

хана! Гладиаторы долго не живут... Не, прямо в башке не укладывается – неужто и вправду я в Древнем Риме? Вопрос, как это получилось, пока оставим... Все выглядит натуральным: люди, телеги, дома. Оружие – куда уж натуральнее!

Тут ветерок донес до него запах гнилого мяса. Оглянувшись, увидел такое, что едва не сбил слезу: на стене был распят полуразложившийся труп, сильно расклеваный вороньем. На груди висела табличка с криво нацарапанными буквами. Что там было написано, Митя разобрать не смог – далеко-далеко, но уж явно не «Партизан». Скорее всего – бунтовщик или бежать пытался.

На налившихся свинцом ногах доплелся до кадки с водой, смочил голову, напился. Полегчало, зеленая пелена с глаз ушла. Тем временем звякнул гонг. Тягучий звук его разнесся в густом, пахнущем кипарисами, розами и падалью воздухе. Бойцы пошабашили, потянулись к кадке умываться. Всего их было человек пятнадцать. Все с любопытством смотрели на новенького, но заговорить не пытались. Умывшись до пояса, все сели на длинную лавку вдоль стены, отдыхать. Подошел военный, выбравший Митю на базаре, чтоб ему на ежика сесть за это! Улыбаясь, медленно и отдельно начал говорить, сопровождая слова красноречивыми жестами:

– Я – Корнелий Борра, инструктор-наставник. Слушайся и подчиняйся. Делаешь все хорошо – имеешь хорошую еду. Вино и женщина – один раз в неделю. Делаешь плохо – я

тебя бью. Делаешь плохо второй раз – карцер, там плохая еда, нет вина и женщины. Ты хорошо понял меня, гладиатор Димитриос?

Все слова были знакомы, и Митя понял хорошо.

– Да. Я понял тебя, Корнелий Борра.

– Иди. Тебе покажут, где спать. Еда по сигналу гонга.

Он махнул рукой, и из дома вышла крупная, пышнотелая и грудастая белокурая деваха лет двадцати пяти, босая, в платье из грубой ткани без рукавов. Улыбнулась и жестом позвала за собой. Митя пошел за ней в барак на противоположной стороне площадки. Барак был чисто выметен, земляной пол сбрызнут водой.

– Как тебя зовут? – поинтересовался он по пути, просто, чтобы завязать контакт.

– Брунгильда. Я из Германии, – ответила деваха, дыхнув чесночным ароматом.

Когда, открывая дверь, она подняла руку, Митя заметил подмышку с густым пучком светлых влажных волос. Натуральная, значит, блондинка!

– Спать здесь, – Брунгильда показала что-то вроде стойла с номером XVIII.

Стены не доходят до потолка, дверь крепкая, запирается на засов. Ещё кованые петли вдоль всего ряда таких же дверей. Внутри тюфяк, набитый сеном, и сложенная полушерстяная накидка, вроде плащ-палатки. Укрываться, значит, и одеваться, когда холодно. А больше ничего! Свет проника-

ет через небольшое отверстие под потолком, вроде чердачного оконца. Голова точно не пролезет, и не надейся! Здесь нам, значит, жить. М-да, убого...

Запомнив свою дверь, вслед за Брунгильдой вышел во двор. Грохнул гонг, и все потянулись на ужин. Еда была обильная: тушеная свинина с капустой. Только пресновато, без специй. И соли маловато. Приятно удивило наличие ложек – деревянных, щербатых, но всё-таки ложек.

После ужина наступило личное время. Кто молился, кто играл в волчок, подстегивая его кнутиком. Несколько человек играли в пристенок, бросая камушки. К Мите подошел парень лет двадцати пяти, чернявый, смуглый. Присел рядом на корточки:

– Ты кто есть? – вопрос был на ломаной латыни.

– Димитриос, – ответил наш герой, и поколебавшись, добавил, показав на восток, – Из России.

– Я – Тэро, из Иллирии, – парень показал на северо-восток.

Название «Россия» его ничуть не взволновало.

Что за Иллирия такая? Даже и не слышал никогда!

– Где мы? – Митя впился в собеседника взглядом, надеясь... да ни на что особо не надеясь.

– Деревня Баккориния. Школа Вителлия Африкана Марцелла. Три дня пути до Капуи, – охотно поделился информацией Тэро.

Италия, значит. Что ж, ладно, место определено. От Ка-

пуи до Рима недалеко. Но, вроде, далековато от кампуса в Апенинах... Темна вода во облацех!

– Какой сейчас год? – этот вопрос сформулировать было непросто, и Тэро понял, что от него хотят, не сразу. Пришлось повторить.

– Сейчас 680 год от основания Рима, – он начертил пальцем на песке: DCLXXX.

Тоже неясно. Когда у нас Рим-то был основан? Где-то в первом тысячелетии до нашей эры... Блин! Историю надо было учить... О! Идея! Вот от чего можно оттолкнуться!

– Ты знаешь про христиан? Про Иисуса Христа?

– Нет! – Тэро, улыбаясь, покачал головой, – А кто это?

Эх, как ему объяснить-то? Слов не хватает... Можно, конечно, попытаться пересказать евангелие, но не в трех же словах! А если просто сообщить, что Иисус Христос – Бог Сын, одна из ипостасей Единого бога? Не поймет, у них этот... политеизм, своих-то богов не всех помнят, где уж про нового... Митя и пытаться не стал.

Посидев немного в молчании, Тэро положил руку на Митину коленку.

– Ты мне нравишься. Хочешь спать со мной сегодня? Корнелий разрешит! – он недвусмысленными жестами проиллюстрировал свое предложение.

– Нет! – смутился гладиатор Димитриос, – Я... с женщинами только.

– Женщины – раз в неделю! А жизнь коротка! Удоволь-

ствий мало, – наставительно произнес Тэро, выпрямляясь.

Настаивать он не стал, но потерял к новичку всякий интерес и удалился. Больше никто не подходил. Видно, дружить здесь было не принято. Да и как дружить с человеком, которого, может, уже завтра надо будет убивать в цирке? Такие сложные философические мысли бродили в голове. Полная, однако, растерянность. 680 год, гладиаторская школа, Древний Рим! Машина времени, что ли, сработала? Но нет ничего подобного! Вообще, надо придумать, как смыться отсюда! А то потренируют, потренируют, да и на арену! И – ага! Порубят в капусту и фамилии не спросят...

Брякнул гонг. Все прервали свои нехитрые занятия и потянулись в барак. Спать.

Ночью приснились сцены из фильма «Гладиатор». Проснулся, долго вспоминал. Что-то там было важное, такое... подсказка... выход из положения... Но так и не вспомнил, снова уснул.

Утро началось с водных процедур – обливания у колодца. После завтрака все двинулись на тренировки. Корнелий Борра дал Мите деревянный меч и квадратный, обтянутый кожей, небольшой щит.

– Фехтовал раньше? Знаешь прямой меч? Фракийский щит?

– Фехтовал. Щит не знаю.

– Смотри! – Корнелий показал, как правильно держать щит, – Так – от удара в голову, так – от удара в корпус, если

противник правша. Нападай!

Митя занимался боевыми искусствами года два назад, и небезуспешно, но меч был непривычно короток. Ладно, попробуем! Он сделал колющий выпад, целясь в горло. Корнелий без труда отбил мечом, и развернув кисть, провел секущий удар в голову. Митя умудрился прикрыться щитом. Тут же последовал удар в корпус справа, тоже секущий, который мечом отразить не удалось, а заслониться щитом уже не было времени. Боль взорвалась в боку багровой вспышкой.

– Убит! – улыбнулся инструктор, – Если бы меч был настоящий, я б тебя пополам перерубил!

Да, мастер! Как он меня, в два движения! Синячина теперь обеспечен.

– Нападай ещё!

Ученик гладиатора схитрил. Сгруппировавшись, он сделал подкат под ноги противника, и выбросил меч вверх, рассчитывая попасть в пах. Но Корнелий легко подпрыгнул, пропуская его под собой. А если так? Мельница! Ногой в развороте в корпус... Принял на щит, ноги открыты... В падении – н-на! Попал! Не дать опомниться, колоть в пузо! Отбил... А если... Оба-на! Свет выключили! И звук тоже...

Ой, водичка! Холодненькая!

Открыл глаза. Корнелий, улыбаясь, лил на него воду

из кувшина.

– Отлично, Димитриос! Уже давно я не попадался на такие финты и удар по ногам! Продолжишь сегодня с Сарухом. Вечером получишь вино и женщину.

Он выпрямился и отошел, слегка хромая. На левой голени было видно рубец и содранную кожу. Митя пощупал голову: крови нет, но шишка преизрядная! Что ж, такая наша гладиаторская планида... Посмотрел на свой меч: струганная дощечка с гардой... Вдруг вспомнил: отличившимся на арене гладиаторам, по требованию публики, император дарил деревянный меч, как символ свободы. Да-а, перспективочка. Всех, типа, победить, да ещё красиво. И – вольная птица! Всего-то делов. А потом что? Ну, как в фильме, тот мужик, свою школу открыть... Не землю же пахать! Мечты, мечты...

Подошел ещё один иллириец – Сарух.

– Становись! Я покажу тебе комбинацию, будь повнимательней.

До обеда они отрабатывали удары и защиту от них. Митя уже чувствовал себя гораздо уверенней, работая со щитом. Но сказывалась слабая общефизическая подготовка, руки и ноги быстро налились тяжестью, дыхания не хватало, горло першило от сухости. Вдобавок, несколько раз чувствительно получил по голове, плечу и ноге. Саруха он смог задеть только один раз, но зато – качественно, прямо в живот! После этого они присели передохнуть. Сарух негромко предложил:

– Если ты вечером отдашь мне свое вино, то я перед отбоем сделаю тебе татуировку. Какой твой тотем? С ним ты будешь защищен от злых духов.

Митя задумался: почему бы и нет, собственно? У многих бойцов он видел здесь причудливые картины. А для удачи все сгодится! Слишком много удачи не бывает! Тотем... И у него, и у отца всю жизнь была кличка «Сова».

– Мой тотем – сова. Ночная птица: Ху-гу! Ху-гу! Понял? – латынь уже гораздо легче соскакивала с языка. Практика, и ещё раз практика!

– О-о! Это сильный тотем! Символ мудрости!

Они ударили по рукам. Встали, и фехтовали ещё около часа, пока не прозвонил гонг на обед. После обеда полагалась сиеста – два часа отдыха. Кто же бьется на полный желудок! Митя блаженно растянулся на тюфяке в прохладе своего номера. Все тело болело, но это была здоровая боль активно работавших мышц. Ничего, ещё денек-другой, и втянемся! Судя по всему, я тут не самый плохой боец. Вон, даже бабу сегодня дадут, и вино... Но, как он меня по башке-то, а? На голову бы мокрую тряпку, чтобы шишка не разрослась... И не заметил, как задремал.

Гонг!

Вскочил, наскоро умылся у кадки. Где там мое оружие производства?

Сарух уже ждал. Снова отрабатывали приемы и приемчики. Некоторые движения казались странными, ненужными,

но Сарух объяснил, что это – для связки с другими ударами и блоками: то-есть, проведя удар, немедленно приходишь в готовность для следующего. До перерыва выдохся конкретно. Пить Сарух разрешил только три глотка:

– Надо, чтобы сошел лишний жир, чтобы ты был жилистый и неутомимый. В настоящем бою, который длится полчаса или три четверти часа, выносливость очень понадобится.

– А ты был когда-нибудь на арене? – прохрипел Митя пересохшей глоткой.

– Да. Дважды.

– И что?

– Что, что! Убили меня, оба раза! – Сарух захохотал над собственной неуклюжей шуткой.

Мите смешно не было.

После перерыва Сарух дал веревку, заставил прыгать, объяснив про слабые ноги. Потом – подтягиваться на турнике, ходить гусиным шагом, боком и спиной вперед, отбивая одновременно удары щитом. Незаметно тени стали длинными, пришло время ужина.

Поплескавшись у кадки и поужинав, почувствовал себя лучше. Вот только ноги стер на острой щебенке, давно босиком не ходил. В конце ужина пришел Корнелий и владелец школы Марцелл.

– Что новичок? Справляется? – поинтересовался Марцелл.

– Да, господин, я им доволен, – почтительно доложил Сарух.

Корнелий внимательно оглядел Митю.

– Покажи ноги, Димитриос! – приказал он.

Заботливый какой, надо же! Ну, на, смотри!

Корнелий и Марцелл озадаченно переглянулись:

– Пятки нежные, как у младенца! Ты что, всю жизнь летал по воздуху, как Меркурий, с крылышками на щиколотках? Даже у носящих сандалии шкура на подошвах толще! Намажь на ночь дёгтем, а потом сосновой смолой, возьмешь на кухне, у повара. Он также даст тебе вино. Ночью с тобой спит Олла. Салют, Димитриос!

Ну, вот. Коротко, ясно и по деловому! Что за Олла, однако? Которая из рабынь? Кроме блондинки Брунгильды здесь ещё три...

– Пойдем вон туда! – потянул его за руку Сарух.

Он уже наскреб с котла сажи и принес бритву.

– Я изображу сову на груди, с распростертыми крыльями и отверстым клювом, – пообещал он, укладывая Митю на стол.

– Э, ты нарисуй сначала, я хочу посмотреть! – запротестовал тот.

Сейчас налетит ещё что попало, а потом не сведешь!

Пожав плечами, Сарух ловко изобразил на штукатурке угольком летящую сову. У парня, безусловно, был талант, сова получилась впечатляющая. Митя расслабился и стис-

нул зубы. Сарух работал быстро. Зажав между пальцев бритву так, чтобы выступала лишь самая кромка лезвия, он делал надрез и другой рукой сразу втирал сажу. Чувствовался немалый опыт: крови почти не было. Боль была терпимая. Через минут сорок татуировка была готова. Её смазали оливковым маслом. Вывернув голову, Митя попытался рассмотреть свою грудь: то, что он увидел, ему понравилось. Сова была, как живая, и при том отменно свирепая.

– Теперь тебе не страшны злые духи! И мудрость твоего тотема тебе поможет, вот увидишь! – хлопнул его по спине довольный удачной работой художник, – Пойдем на кухню! Вино, вино, вино! Оно на радость нам дано!

Повар, полноватый раб с огромным носярой, выдал кувшин вина литра на полтора. Митя, с согласия Саруха, плеснул на ладонь попробовать. Та же самая кислятина, которой Корнелий угостил его по дороге с рынка.

– Какое это вино? – показал он на кувшин.

– Местное, – буркнул повар, доставая из шкафа баночку с дегтем, и другую, со смолой.

Сарух, тем временем, уже присосался к кувшину. Митя сожаления не испытал.

Выйдя из кухни, тщательно вымыл ноги, вытер собственной набедренной повязкой. Намазал дегтем. Защицпало конкретно! Сверху наложил слой смолы. Посидел не двигаясь, чтоб засохла. В темнеющем небе зажигались первые звезды. Стрекотали цикады и летали светляки. Воздух посвежел, хо-

тя не было ни ветерка. Труп на стене подвятился и уже почти не вонял. Жизнь казалась прекрасной. Только сколько её осталось, жизни-то...

Гонг прозвонил отбой.

Стараясь идти на ребре стопы, проковылял в свой XVIII номер. Не успел плюхнуться на матрас, как в дверь из сумерек коридора проскользнула женская фигура в бесформенном балахоне.

– Салют, Димитриос! Я Олла, – она потянула завязки, и одежда упала с её плеч.

Кожа девушки таинственно светилась в скупом луче звёздного света, проникавшем из окошка. Черты лица в полутьме было не разглядеть. Но стройная, черненькая, невысокая.

– Салют, Олла!

Она, не двигаясь, стояла у двери.

– Ты красивый, новичок, – тихо засмеялась девушка, – Мне повезло сегодня!

Митя был в замешательстве. Так, без всяких прелюдий, ему было неловко, и он не знал, с чего начать.

– Как ты хочешь, о гладиатор? Стоя? Лёжа? Я умею многое, – пришла на помощь Олла.

– Ляг, полежи рядом. Я должен привыкнуть к тебе, – застенчиво прошептал Митя.

Она легла, прижалась тесно. Осторожно провела пальцем по бровям, погладила по голове. Пахло от неё чесноком, ед-

ким женским потом и розовым маслом. Немного, но отчетливо. Такая, значит, миазма. Но эта смесь запахов не отталкивала, а наоборот, возбуждала.

– Это духи? – пробормотал Митя, легонько целуя партнершу в шею.

– Ну, что ты! Откуда у нас, рабынь, духи! Это я сорвала несколько роз и натерлась цветами... – прошептала она в ответ, нашаривая ладошкой его мужское достоинство.

Под рукой произошло маленькое чудо: то, что, казалось, умерло от усталости, вдруг расцвело и гордо расправило могучие плечи. Обнаженная, прохладная грудь Оллы прижалась к его зудящей от свежей татуировки груди. Грудь была небольшая, приятной заостренной формы с большим соском, очень упругая. Мите захорошело.

– Эй, Димитриос! Ты будешь пахать сегодня свою пашню или нет? – неожиданно раздался голос соседа справа, африканца Феликса (Феликсом его назвали уже в школе, так как его настоящее имя было не произнести), – Я хочу спать, но надеюсь прослушать хотя бы первую борозду!

– И я тоже! Не будь свиньей, поторопись! Ведь вставать с зарей! – поддержал сосед слева, арабийский еврей Моше.

Ну, паршивцы! Что им тут, консерватория, или где? Сеанс эротики ждут, надо же!

Олла нисколько не смутилась. Рассмеялась заливисто, и взяла инициативу в свои... свою... Г-м, в лоно, в общем. Делала она это со всем усердием, Митя тоже старался. Когда

они кончили, слушатели зааплодировали.

– Бис! – крикнул Феликс.

– А вот те шиш! – отрезала Олла, целуя Митю в татуировку, – Он устал, отдыхать теперь будет! Если хотите послушать ещё, молитесь богине Венере, чтобы благословила Димитриоса на новую эрекцию!

Н-да, такая вот, непосредственность!

Ответом было молчание. Все уже спали.

Уснули и они в объятиях друг-друга. За ночь Венера благословила их ещё два раза. Дело-то, молодое!

Утром, проснувшись по гонгу, Митя уже не нашел рядом своей случайной подруги. Эх, жалко, так ведь и не разглядел её лица.

Глава шестая

Не, что делать? Каждый день одно и то же! Уже четыре дня прошло, а я ни в зуб ногой. Информации никакой. Пытался с бойцами поговорить, карту нарисовать – все неграмотные, где Рим, и то не знают. Да и как бежать? Даже если и сбежишь, один, без языка, без одежды далеко не уйдешь! Поймают, выпорют, а то и распнут... Ситуация, однако. Надо думать. Между прочим, завтра выходной, Феликс сказал. Целый день свободного времени, это куда ж его девать-то? Ну, выплюсь от пуза, а дальше что? Такие мысли одолевали Митю, лежащего на своём тюфяке после отбоя. За эти дни он похудел, тело налилось силой. Уже намного легче переносил он изнуряющие тренировки, привык к грубой пище. Сегодня, например, на ужин были бобы, которых он раньше на дух не переносил. Гладиаторы поэтично называли бобовую похлебку «музыкальный суп», что подтверждалось теперь доносящимися до слуха звуками. Прямо духовой оркестр, только вразной.

О, к Феликсу женщина пришла! Брунгильда, судя по акценту. Ну, что ж, послушаем! Сеанс эротики, неплохая развлекуха!

– Салют, загорелый!

– Салют, булочка непропеченная!

– Ты красивый, уголек, мне повезло сегодня!

– Иди сюда, золотоволосая! Тебе повезло гораздо больше, чем ты думаешь!

– Ой! Что это?

– Что, что... Угадай! Во, правильно думаешь!

– Эй, ты меня убьешь этой своей штукой! Боги, Тор и Один, помогите мне! Ух! Ай! Ой! О-о-о!

Феликс пыхтел, как паровоз, тянущий грузовой состав на подъем. Судя по всему, он раздухарился не на шутку. Брунгильда подвывала жалобно. Вот, вот... Процесс, похоже, вступал в завершающую фазу. Рычание раненого леопарда сотрясло барак. Все слушатели, и Митя в том числе, горячо зааплодировали. Потом притихли и снова прислушались.

– Эй, беленькая! Ты живая?

– Ох... Чуть глаза не выпали, противный! Теперь три дня раскорякой ходить буду...

– Да брось! Не все так плохо, скорее, даже хорошо. Мне, например, хорошо, ха-ха!

– Тебе-то хорошо... Эй, ты что, опять?!

– Слушай, поставь на ручье плотину, увидишь, сколько воды за неделю скопится!

– погоди, дай хоть дух перевести! Знаешь, сегодня повар с хозяином ездили на рынок...

– Ну!? Вина привезли?

– Привезли, лигурийского... Рассказал по секрету, что в Капуе гладиаторы мятеж подняли, охрану перебили, и скрылись. Всю округу пограбили, рабов освободили! Сей-

час на Везувии прячутся, римлян побили целый легион. А вождем у них Спартак, фракиец. К ним со всей округи рабы бегут!

Митя рывком сел. Вот он, выход! Восстание Спартака! Оно же почти два года длилось! Семьдесят какой-то год... до нашей эры? Неважно! Эх, если бы смыться отсюда, да прибиться к Спартаку! По крайней мере, шанс выжить появится! А там можно от Рима оторваться и жить как-нибудь.

Феликс и Брунгильда снова начали свою возню, но Митя уже не слушал. Как бы это сдернуть от Вителлия Африкана Марцелла? Охрана – всего пять легионеров, правда, есть ещё Корнелий, он, пожалуй, ещё пятерых стоит... Боевые мечи под замком... В одиночку нечего и пытаться, надо с народом поговорить. Если неожиданно всем скопом ломануть, хоть и с деревянными мечами, есть шанс пробиться! Потом – на Везувий, марш-марш!

С этими мыслями он уснул.

Гонг!

Вскочил, побежал умываться и на завтрак. За завтраком приглядывался к народу, прикидывая, с кем поговорить сначала. Моше выглядел наиболее перспективно, к тому же он был лидером у своих соплеменников, а их в школе большинство. Феликс... подпишется, несомненно. Ему здешние порядки мягко говоря, не нравятся. Два раза кнутом лупили за строптивость. Имеет влияние на остальных черных, а это немаловажно. Сарух... должен заинтересоваться. Два раза

на арене бился, не может не понимать, что долго не проживет!

После завтрака бойцы занялись кто чем. Тэро и двое африканцев играли в пристенок по сложной системе. Ставкой была задница набравшего наименьшее количество очков. Сарух взялся делать татуировку одному из аравийцев. Феликс сноровисто лепил из глины игрушечные свистульки. Одна многоствольная свирель сохла уже два дня.

Митя подошел к нему:

– Интересные ты делаешь игрушки, Феликс!

– Да, детям они нравятся. Когда повар или его помощник поедут на базар, я попрошу продать их и купить мне вина.

– Думаешь, они согласятся?

– Почему нет? Половину денег они ведь возьмут себе.

И им хорошо, и мне!

– А что ты думаешь о Спартаке?

– О! Он герой! Освобождает рабов! Мне быть рабом совсем не нравится. Гладиатором – тем более. Ведь могут послать в цирк в любой день, а я жить хочу! Меня завлекли сюда обманом, пообещали много монет, если я буду учиться быть воином, а оказалось – гладиатором! И кнутом бьют больно!

– Надо бежать отсюда, Феликс! К Спартаку!

– Да я хоть завтра! Только, без оружия... как убежишь?

– Над этим будем думать. Пока, поговори с остальными.

Феликс согласился.

Митя, немного погодя, подсел к Моше.

– Ты слышал о восстании гладиаторов в Капуанской школе, Моше?

– Да ты что! Убежали? Много? – Моше был явно заинтересован.

– Перебили охрану и убежали все. Их вождь – Спартак, фракиец. Они освободили всех рабов в округе, теперь их целое войско!

– И где же они теперь? Драпают из Италии? Ведь римляне не остановятся, пока не переловят или не убьют всех! За мятеж – смерть!

– Нет, они на неприступном Везувии, и каждый день к ним бегут новые рабы, чтобы стать свободными.

– Вот здорово, Димитриос! Как бы я хотел... но это невозможно, у нас нет оружия. Солдаты порубят нас на куски.

– Что-нибудь придумаем. А пока, поговори с остальными. Пришел Корнелий Борра с кувшином вина.

– Гладиаторы! Предлагаю турнир по борьбе! Победитель получит награду – кувшин вина к обеду! Правила простые: чьи лопатки коснутся земли, тот и проиграл. Есть желающие?

Желающих было хоть отбавляй. Могучий Феликс вскочил, наскоро вытирая руки.

– Это моё вино! – проревел он, – Кто осмелится выступить против меня?

– А какое это вино? – деликатно поинтересовался Моше, –

Если опять местная кислятина, то я бороться не буду. У меня от него делается бурление в животе, это же почти уксус!

– Вино хорошее, лигурийское! – заверил Корнелий, – Вчера с рынка привезли.

Первым против Феликса выступил Креон, иллириец. Они встали в очерченный круг, дожидаясь сигнала. Кухонные рабы, повар, Олла с Брунгильдой, и две другие тетки, чьих имен Митя пока не знал, тоже вышли посмотреть. Свободные легионеры, все четверо, также заинтересовались, и покинули караулку.

Корнелий дал отмашку. Некоторое время Феликс и Креон кружились, пробуя захватить обнаженного противника поудобнее, затем сошлись грудь в грудь. Феликс, используя свою прямо-таки первобытную силу, сдавил иллирийца так, что едва не сломал ребро, и тот запросил пощады. Вторым вышел один из аравийцев. Не давая Феликсу захватить его, он попытался провести подсечку. Феликс качнулся, но устоял. Его длинные, узловатые от гипертрофированных мышц руки вцепились в шею противника. Используя преимущество в росте, Феликс согнул бедного парня в бараний рог, и его спина вскоре коснулась земли.

Один за другим почти все бойцы проиграли Феликсу. Остались лишь Моше и Митя. Моше, подумав, применил подножку. Оба упали и долго возились в партере, но в конце концов Феликс сумел развернуть хитреца полунельсоном и припечатать к земле. Наскоро ополоснувшись, он посмот-

рел на Митю:

– Готов ли ты сразиться со мной, Димитриос? Или ты отдашь вино без боя? Я – самый сильный! Я непобедим!

Мите не очень хотелось бороться, но все глаза были устремлены на него. Во, уставились! Но надо авторитет зарабатывать! Мне с ними в побег идти! Придется бороться... Если откажусь, презирать же будут.

Он сбросил набедренную повязку и встал напротив Феликса. Тот ухмылялся. Ничего, сейчас перестанешь! Кое-что и мы можем! Главное, не дать себя захватить этими граблями. опередить, сбить с ног – так, и только так.

Отмашка! В тот же момент Митя прыгнул, захватил ноги противника и резко дернул. Удача! Феликс, не ожидавший такой атаки, рухнул, но в последний миг извернулся, как кошка, и коснулся земли плечом. Митя выпустил ноги, но захватил правую руку на болевой прием. Феликс зарычал, пытаясь освободиться. Сила его была невероятна! Он умудрился оторвать Митю от земли, но боль была слишком сильна, руку не вырвать. Другой давно бы сдался, но Феликс продолжал барахтаться. Митя чувствовал, что еще немного – и ему придется сломать эту руку. Делать это не хотелось.

– Сдаешься? – крикнул он.

– Ни за что! – пропыхтел африканец, несмотря на то, что под ним уже расплылась лужа мочи.

Приподнявшись на колено и используя захваченную руку как рычаг, Митя медленно-медленно стал поворачивать

черного гиганта на спину. Ещё сантиметр, ещё один... Всеобщий вопль! Победа!

Они поднялись. Феликс был серый от боли и разочарования.

– Ты победил меня хитростью, Димитриос! – грустно изрек он, массируя руку.

– Как же ещё я мог победить такого силача? Ты же могуч, как бык! Сильнее тебя нет никого во всей школе. Поэтому я разделю это вино с тобой! – заявил Митя, протягивая руку.

Феликс стиснул её, благодарно улыбаясь.

Они отошли с кувшином в сторонку, в дальний угол площадки. Отпив первым, Митя покатал вино во рту. Намного лучше, чем раньше давали! Лигурийское, значит... Надо запомнить. Зрелое, напоминает каберне, приятная горчинка. Рядом забулькал Феликс.

– Хорошее вино, крепкое! Сразу вставляет! – довольно объявил он, передавая кувшин.

Митя отпил ещё. Да, крепость приличная, градусов двенадцать.

Внутри захорошело. Улыбаясь, он обвел глазами двор. Оп-па! Что это за цветочки? Мак! Вдоль стены росли бледные маки с характерной темно-сиреневой серединкой. Опийный мак! Ну-ка, ну-ка! Подошел ближе: кое-где уже завязывались коробочки. Вот он, шанс! Отхлебнув ещё глоток, сунул кувшин Феликсу:

– Допивай, я больше не хочу!

Делая вид, что гуляет, подошел к Олле.

– Салют, красавица!

– Салют, победитель! Здорово ты его!

– Слушай, моя первая здешняя любовь, не могла бы ты достать мне немного тонкой ткани, вроде кисеи?

– Могла бы. А зачем тебе?

– Для... молитвы.

Это было удачно сказано. Все здесь уважали веру в любых богов, а для религиозных ритуалов порой требовались самые неожиданные вещи.

– Хорошо, я принесу тебе сегодня вечером старую занавеску. Хозяин прожег её светильником и она ни на что не годна.

– Да благословит тебя Юнона, прекрасная Олла!

После обеда удалось поговорить с Сарухом. Тот поддержал идею побега, но выразил сомнение в успехе.

– Оружия-то нет! А с деревяшками даже одного легионера не одолеть! У них копья, близко не подойдешь, переколют, да и с вышки часовой стрелами забросает! Нужна хитрость.

– Я, кажется, кое-что придумал. Кто относит вино легионерам на ночь?

– По очереди, одна из женщин. Они потом отдыхают с ней до утра.

– Понятно...

План у Мити был такой: собрать макового сока, выварить опий, и подлить его в вино легионерам. Когда те уснут, взло-

мать кладовую, захватить оружие и что есть ценного в доме и уйти к Спартаку. Жалко, нет лошадей! Ну, да их можно будет раздобыть позже, в деревне.

Олла не обманула, принесла после ужина кусок кисеи. Тщательно разорвав её на тонкие полоски, Митя спрятал их в тюфяке. Завтра он начнет собирать сок.

Глава седьмая

Сбор макового сока прошел удачно. Острым кремневым осколком Митя надсекал полузрелые коробочки и обматывал их ленточками кисеи. Ему рассказал об этом методе один соученик по колледжу. Делал он это на глазах у всех, не скрываясь. Никто его не останавливал и не заподозрил ни в чем плохом. Мало ли, чем человек в свободное время занимается! Заняло это почти две недели. Постепенно, все ленточки были пропитаны соком и высушены. Оставалось только выварить и выпарить опий. Но как это сделать? Глиняную миску на огонь не поставить, треснет, жестяных или оловянных стаканов не было. Нужна была всего-навсего консервная банка, да где ж её взять?

Проблему помог решить Феликс. Вникнув в суть, он пожертвовал кожаным кисетом, в котором держал какой-то порошок. Порошок он периодически закладывал под губу и рассасывал. Слюна от этого становилась ярко-красная, и зубы тоже. Какое удовольствие парень получал от этого, непонятно. Может, просто вкусно.

Итак, подвесив кисет на растяжке, налил туда воды и положил ленточки. Затем развел маленький костер, и положил туда несколько голышей. Когда те накалились докрасна, осторожно, двумя щепочками, положил один в кисет. Вода забурилась. Вынул, положил другой. И так далее. Не прошло

и десяти минут, как вода была почти вся выпарена. Остаток Митя перелил в миску и выпарил на солнце. Аккуратно собрал оставшийся на дне порошок, пересыпал в маленькую деревянную коробочку, заткнул деревянной же пробкой. Готово! Теперь только ждать удобного случая. Все гладиаторы были готовы к побегу, женщины тоже.

Но назавтра случилось непредвиденное. В школу припозаповали патриции, те самые, что купили Кузю. Вместе с хозяином они осмотрели выстроенных бойцов.

– Мне так скучно последнее время, Вителлий! – проворковала матрона.

Звали её Клаудия. Муж, всадник Тиберий Граан, был намного старше жены и потакал всем её капризам.

– Чем я могу развлечь Вас, достопочтенная Клаудия? – поинтересовался Вителлий Марцелл.

– Устрой нам бой! Мы заплатим щедро, не торгуясь!

Вителлий в затруднении почесал затылок.

– Увы, моя госпожа, боюсь, что мои гладиаторы ещё не совсем готовы. Все они новички, и не освоили в полной мере высокое искусство боя на мечах. Конечно, если я прикажу, они убьют друг друга, но вряд ли это будет красивое зрелище.

– Ничего, за настоящим зрелищем мы съездим в цирк, а пока мне просто хочется насладиться видом пролитой крови. Назови свою цену, Вителлий Марцелл!

– Ну... Двадцать тысяч сестерциев за бой одной пары.

Только, умоляю, госпожа, если смерть не произойдет сразу, не приказывайте добивать побежденного.

– Договорились!

Она снова медленно пошла вдоль шеренги. В животе у Мити похолодело. И точно, указательный палец Клаудии уперся ему в грудь.

– Этот мне нравится!

Пройдя чуть дальше, показала на иллирийца Креона.

– Хочу этого тоже!

Парни вышли из строя. Креон был спокоен, Митю же колотила нервная дрожь. Вот так, за здорово живешь, сейчас драться насмерть! А Креон, между прочим, один из лучших бойцов, ему, как и Саруху, доверяют проводить тренировки! Что делать-то, а? Нет, отказаться невозможно, лечь – тоже. Прижгут факелом, и будешь, как миленький, биться до конца. Ребята, тот же Сарух, рассказывали.

Корнелий вывел их на арену. Как и положено, тринадцать метров в диаметре. В углублении, засыпана песком. Бревчатая стена полтора метра высотой. Места для зрителей по периметру, сверху. Им выдали шлемы – тяжелые, с решетчатым забралом и широкими полями, как у шляпы, щиты – фракийские 50x50 см, Митя уже привык к такому, и прямые, обоюдоострые мечи-гладии. Взмахнув несколько раз мечом, чтобы привыкнуть к оружию, Митя отошел к стене, стараясь, чтобы солнце было у него за спиной. Что ж, двум смертям не бывать, а одной не миновать. Кое-что, впрочем, у нас есть.

Этакий, фигурально выражаясь, секретный камень на палке, которым мы Креона и стукнем по затылку, если удастся, конечно.

Корнелий выбрался наружу. Креон и Митя ритуально отсалютовали зрителям. Против правил, остальным бойцам было разрешено смотреть. Пришли также повар, женщины и легионеры. Ну!

Клаудия махнула платком. В тот же миг Креон прыгнул, покрыв две трети разделявшего их песка. Митя едва успел вскинуть щит. Затем гладиаторы закружились по арене, делая ложные выпады, проверяя оборону. Креон вдруг ударил, целясь в голову. Митя принял на шлем, одновременно пытаясь провести колющий удар в живот. Безуспешно. А так? Обманный секущий в голову, с расчетом на разворот кисти в верхней точке и удар по корпусу. Нет, не вышло. Просто принял на шлем и контратаковал низко, по ногам. Пришлось прыгнуть, исполняя заднее сальто. Зрители зааплодировали. Однако, что это? Шлем Креона перекосило, завязки перерублены! Вот он отшвыривает его в сторону. Погнали наши городских! Следующие несколько минут удары сыпались, как предвыборные обещания из политика, но ни один из бойцов не добился успеха. Внезапно, уходя от очередного Митинового секущего в голову, Креон исполнил нырок и, в свою очередь, полоснул, целя в горло. Митя отпрянул, но острое меча рассекло кожу под ключицей, закончив свой путь в левой подмышке. Хлынула кровь. Столько крови

Митя ещё не видел в своей жизни! Её вид подстегнул его. Теперь или никогда! С криком «Ништяк!» он прыгнул на стену, оттолкнулся ногой, в перевороте ударил головой в шлем в лицо Креона. Не ожидавший такой акробатики, тот рухнул, как сбитая кегля. Митя упал рядом, тут же вскочил, готовый продолжать бой, но все было кончено: противник был в глубоком нокауте. Зрители аплодировали, свистели, вопили. Митя приставил меч к горлу Креона и посмотрел вверх. Корнелий и Вителлий Марцелл довольно улыбались. Тиберий задумчиво жевал нижнюю губу, не выказывая ни радости, ни огорчения. Клаудия сияла. Щеки её разгорелись румянцем, причёска растрепалась. Поймав Митин взгляд, она покачала головой и показала большим пальцем вверх. Фу, стало быть, добивать парня не придется! Корнелий спрыгнул на арену, наклонился над поверженным гладиатором.

– Жив! – объявил он.

На песок спустили лестницу. Митя выбрался наверх. Ноги дрожали, тошнило, кружилась голова. Я живой! Я выстоял! Я победил! Сарух и Моше подхватили его под руки и увели, положили в тени. Подошел Вителлий, осмотрел рану.

– Пустяки, рана неглубокая! Сейчас зашью, зарастет в неделю, – пообещал он, доставая здоровенную иголку с продетой в неё суровой ниткой.

Здрав тунику, помочился на рану. Это такая дезинфекция, понял Митя. Затем, без особых изысков, начал штопать, будто сумку порванную зашивал. Всего наложил пятнадцать

швов, грубых, но прочных, крепко держащих края раны. Забинтовал рану чистой тряпкой. Щелкнул пальцами. Подбежал помощник повара с бурдючком вина литра на три.

– Пей, гладиатор! – протянул он сосуд Мите.

Наш герой отпил большой глоток, закашлялся.

– Как там Креон?

– В себя пришел. Шишка здоровая, а так ничего.

Митя отхлебнул ещё. Адреналин продолжал гулять в крови, немного трясло, но после вина стало легче.

– Хорошо тебе, Димитриос, – задумчиво выдал Моше, – Теперь, пока не поправишься – никаких тренировок, знай жри, спи и сри.

– А ты бы поменялся? – прищурился Митя, осилив очередной глоток.

– Нет, конечно. Не люблю, когда нечего делать, – серьезно ответил Моше.

Рядом хохотнул Сарух. Вдвоем они увели парня в барак.

Повертевшись на тюфяке, Дмитрий понял, что уснуть, даже после вина, не удастся. Боль когтистой лапой рвала грудь, усиливаясь при малейшем движении. Перед глазами плавали круги. От потери крови, наверное. Помаявшись до темноты, достал коробочку с опиумом. Заодно и испытаем зелье! Осторожно разжевал соломинку, макнул в порошок. В свете полной луны было видно, что несколько кристаллов прилипли. Налил в ложку вина, тщательно растворил лекарство. Выпил, надеясь, что доза адекватная. Облизал ложку, запил

остатками вина. Свирепый зверь, терзавший рану, стал отступать... Отступать... на мягких лапах... Кто это улыбается в углу? Папаня! Слушай, купи мороженное! ... Пальмы, волны... Гул прибоя, а может, не прибоя? ... Это самолет... Сейчас стюардесса разнесет водичку... Но почему она голая? ... Олла...

Темнота.

– Димитриос! Проснись! – кто-то тряс его за плечо.

Боль всколыхнулась, но уже не так сильно. Застонав, разлепил склеенные веки: Корнелий встревоженно смотрел ему в лицо.

– Ты спишь уже целые сутки! Надо поесть, парень!

Превозмогая головокружение и боль в ране, поднялся. Сушняк, господа, хоть на выставку посылай! Язык не язык, а терка какая-то! Ой, а в сортир-то как хочется!

Выйдя из сортира, напившись и умывшись, почувствовал себя лучше. Как раз прозвонили к обеду. Сел, попробовал рыбной похлебки – вкусная! Но съесть смог только через силу. На рагу из овощей и конины уже не хватило сил. Вытерев вспотевший лоб, посидел в тени. Феликс пытался заговорить, но слова не воспринимались. Подошел Вителлий Марцелл, присмотрелся, положил руку на лоб.

– Э-э, гладиатор, да у тебя жар!

Размотал повязку: рана воспалилась, на швах выступали капельки гноя. Вителлий выругался. Дмитрий с вялым инте-

ресом отметил новые обороты речи. Латынь, как оказалось, была очень богатым и ёмким языком. Просто литературные источники не донесли до нас простые народные выражения.

Подошел Корнелий. Посоветовавшись, они велели Дмитрию идти к себе и ждать. Что ж, начальству виднее! Прилеп на матрас. Мутило, тянуло в сон. Не слишком ли велика была доза опия? Сутки проспал, и ещё хочется... Нет, это от слабости и инфекции. Интересно, как они собираются меня лечить?

Ближе к вечеру Корнелий привез из деревни жреца храма Юноны. Звали его Туллий. Благообразный седой дядька в мантии и венке. Из под кустистых бровей смотрели живые умные глаза. Смешно шевеля козлиной бородкой, расспросил Дмитрия, осмотрел рану, пощупал живот и выслушал грудь. Похмурился, затем разложил переносной алтарь. Повар принес голубя. Пропев гимны Юноне и Асклепию, жрец быстрым движением обезглавил птицу, побрызгал кровью на алтарь и на пациента. Несколько перьев подбросил в воздух, проследил их полет. Только после этого дал выпить какой-то порошок и смазал рану тяжело пахнущей мазью. Дмитрий поблагодарил за лечение. Туллий улыбнулся и объяснил, что Димитриос поправится, если на то будет воля богов, он же только инструмент в их руках. Оставил баночку с порошком и мазь, велел принимать порошок утром и вечером три дня, а повязку менять один раз в сутки.

Ночью стало легче, жар спал. Видимо, боги благосклонны

ко мне! Глядишь, утром поем хорошенько.

Сон был спокойный, глубокий. Утром, и впрямь, почувствовал себя намного лучше. Рана почти не болела, сил прибавилось. С аппетитом позавтракал. Выздоровление началось.

Глава восьмая

Дни потянулись скучной чередой. Выздоровление шло успешно, но делать было решительно нечего. Вдобавок зарядили дожди. Выходить на площадку и смотреть на тренировки было единственным развлечением. На десятый день после боя Вителлий снял швы. Рана зажила чисто, образовав неровный шрам поперек груди.

– Отлично, Димитриос! Сегодня получишь вина и вечером к тебе придет Брунгильда! – подмигнул хозяин своему движимому имуществу, – А с завтрашнего дня – на тренировки!

С Брунгильдой Дмитрий ещё дела не имел. Два раза он спал с Оллой, а потом болел и пропустил положенный ему бонус.

После обеда посидел, поговорил с Феликсом и Моше.

– Лучшее время для побега – через три дня, накануне выходного. Хозяин и Корнелий уедут в деревню с ночевкой, на праздник и жертвоприношение. Олла знает, что делать. Легионеры пьют принесенное вино сразу. Затем меняют часового на вышке. Значит, твое зелье подействует одновременно на всех, – потер руки Моше.

– Сумеет ли мы взломать арсенал? Там крепкая дверь из целого ствола дуба, – вполголоса произнес Дмитрий.

Феликс презрительно фыркнул:

– Если у меня будет лом и кувалда, я сокрошу стену быстрее, чем ты кончаешь с женщиной! Кстати, к тебе сегодня придет Брунгильда! Она самая сладкая из всех, помяни мое слово. И у неё самая большая грудь!

– Да, большая женщина – это хорошо! – согласился практичный Моше, – Ночью с ней тепло, а днем она дает прохладную тень!

Моросил дождик, и поэтому данное заявление было встречено смехом.

– Тень! – хохотал Феликс, показывая весь набор великолепных зубов, выданный ему богами, – Какая может быть тень, когда дождь!

– Но завтра будет солнце! – возразил Моше обиженно.

– Э-э, до завтра ещё надо дожить! Есть только сегодня, сейчас, – Феликс легко поднялся и отошел попить водички.

К Дмитрию подсел Сарух.

– Если ты отдашь мне свое вино сегодня вечером, то я сделаю тебе...

– Татуировку? Нет, спасибо!

– Нет, не татуировку! Гораздо лучше! Я вживлю тебе в крайнюю плоть костяные шарики. Это мое собственное изобретение. С ними ты будешь кумиром женщин, ибо удовольствие от соития увеличится многократно и для тебя, и для них! – он протянул ладонь, на которой лежало три костяных шарика величиной с горошину, – Себе я уже вживил, и испытал три дня назад. Замечательно!

Дмитрий слышал об этом раньше, но охоты подвергать себя такой вивисекции не испытывал.

– Покажи, как это выглядит в натуре! – попросил вернувшийся Феликс.

Сарух, не стесняясь, сбросил набедренную повязку. Его член, действительно, украшали перекатывающиеся под кожей шары.

Феликс завистливо засопел:

– Слушай, Сарух, сделай мне!

– Но у тебя нет вина, чтобы расплатиться со мной!

Феликс загрустил.

– Вино у меня уже было на этой неделе... Может быть, согласишься в долг?

– Нет, в долг не могу. Давай так: как только у тебя будет вино, сразу сделаю!

– Что ж, ладно...

Поболтали ещё немного о бабах – о чем другом могут говорить молодые, здоровые мужики!

Прозвучал гонг, и все, кроме Дмитрия, пошли на тренировку. Глядя им вслед, он думал, что ему повезло с товарищами. Будет, на кого положиться в грядущих странствиях и битвах.

Вечером, получив кувшин у повара, устроился ждать Брунгильду. В сумерках перед отбоем она пришла, деловито сбросила платье, села на пятки рядом. Её обнаженное, щедро вылепленное тело круглилось заманчиво, тени интригую-

ще подчеркивали выпуклость груди, впадину пупка, стройность бедер.

– Салют, Димитриос!

– Салют, Брунгильда!

– Ты красивый, гладиатор, и совсем поправился! Мне повезло сегодня!

– Выпей со мной, о прекрасная дочь северных лесов! – галантно предложил Дмитрий.

– С удовольствием, мой герой! Ценю твою щедрость! – она приняла кувшин и надолго припала к нему.

Затем, придвинувшись ближе, провела пальцами по шраму.

– Знаешь, когда Креон нанес эту рану, мне стало так жалко! Ведь из всех наших я не познала только тебя! Но, слава богам, ты поправился, и теперь мы сольемся в блаженстве! Вся ночь у нас впереди! Я хочу тебя, Димитриос!

Но, то ли от перенесенной болезни, то ли от шока, полученного на арене, произошла осечка. Слегка шевельнувшись, источник радости принял полумягкое состояние и ни чем не желал твердеть. Не помогли даже молитвы, вознесенные Брунгильдой Венере, Аполлону и Тору.

– Не знаю, что и делать! – озабоченно воскликнула она, – Может быть, ты меня не хочешь? Я тебе не нравлюсь?

– Хочу, моя золотоволосая Валькирия! Только что-то во мне ослабло, гм... Ты должна мне помочь.

– Но как, Димитриос? Я уже помолилась всем богам, ко-

торые могут помочь тебе обрести эрекцию!

– Тут надо руки приложить! – донесся из-за стены бас Феликса.

И Брунгильда принялась за дело. Целый час она пыталась добиться цели самыми изошренными приемами и приёмчиками, но – увы! Не помогли также подсказки Феликса и Моше, переживавших за товарища. Дмитрий так и уснул, не познав в эту ночь сладких тайн женского тела.

Три дня пролетели быстро, ибо были снова заполнены тренировками. Погода наладилась, но прежней жары уже не было. Два дня подряд Сарух показывал работу с трезубцем и сетью.

– Это один из популярнейших в Риме аттракционов – Ретиарий и Мирмиллон. Невероятно трудно коротким фракийским мечом достать человека с длинным трезубцем. Но и трезубцем поразить непросто, потому что приходится работать одной рукой. Сеть тоже требует большого навыка. При удачном броске противник запутывается и становится уязвимым, но сделать грамотный бросок нелегко. Смотри! – он бросал сеть и Дмитрий уворачивался. Несколько раз запутывался. Действительно, полная беспомощность. Он вспомнил, что в его эпохе существовал метатель сети: смотанная сеть с грузиками по углам выстреливалась метров на десять и надежно окутывала цель. В принципе, можно сделать, если нужда возникнет...

Вот и решающий день. Как и ожидалось согласно данным разведки, Корнелий Борра и Вителлий Марцелл после ужина отбыли из расположения в Боккаринию. С собой они везли на заклание жалобно блеявшую овцу. Что ж, в добрый путь!

Проводив их взглядом, Дмитрий сходил в своё стойло и передал Олле коробочку с опиумом. Он заранее отсыпал половину на всякий случай. Мало ли, ранят когонибудь! Того что осталось, было, по его расчетам, достаточно, чтобы легионеры проспали двое суток.

– Смотри, хорошенько размешай порошок в вине! Иначе не подействует! – напомнил он девушке.

Она улыбнулась:

– Я помню, Димитриос! Сделаю все, как ты говоришь! О, смотри, легионер закрывает ворота и идет в караулку! Наш час настал!

Она вдруг прижалась к нему и моляще заглянула в глаза:

– Там, на свободе, ты ведь не бросишь меня? Нам было хорошо вместе, правда?

– Конечно не брошу, Олла!

– Поклянись!

– Клянусь ветром и небом, огнем в очаге и текущей рекой! Пусть покарают меня бессмертные боги, если я нарушу эту клятву! – серьезно продекламировал Дмитрий.

– Я хочу быть твоей, и только твоей женщиной, о вождь! Я буду готовить тебе еду, стирать тебе одежду, согревать тебя по ночам. Я заслоню тебя от стрелы и меча, даже если это

будет стоять мне жизни! – крепко поцеловав его, Олла убежала.

Дмитрий стоял в растерянности. Вождь! Надо же! Она назвала его вождем!

Смеркалось. Легионеры в караулке затихли. Вот из двери выскользнула Олла.

– Они все спят! Это чудо! Сами боги помогают нам сегодня! – воскликнула она в полный голос.

Гладиаторы приступили к делу. Разыскали лом и кувалду. Могучий Феликс взвесил на руке инструменты, посмотрел на Дмитрия:

– Начинать, о вождь?

– Начинай, Феликс, и да помогут тебе боги!

Несколькими могучими ударами черный богатырь ослабил кладку, затем вывернул первую каменюку ломом. Дальше пошло легче, и через полчаса в стене образовался проход, в который немедленно нырнули Сарух и Моше. Спустя несколько минут они начали передавать наружу связки мечей и копий. Копья были армейского образца, с длинным четырехгранным наконечником. Передали они также и несколько шлемов, кирас и поножей – тоже армейских, облегченных, кожаных – для вспомогательных войск. Но, как говорится, на безрыбье – и задница соловей! Доспехов на всех не хватало, гладиаторы бросали жребий. Но полный комплект сложили к ногам Дмитрия:

– Это тебе, вождь! Веди нас!

Попутно обшарили дом, забрали все, что было ценного. Впрочем, Дмитрий не разрешил брать громоздкие предметы.

– Что будем делать с охраной, Димитриос? – спросил Феликс, кровожадно ухмыляясь, – Зарежем?

– Нет, боги не одобряют убийство спящих. Достаточно, что мы разоружили их. Оставим их как есть, а то не будет удачи, – рассудил новоявленный вождь.

– Ага, а когда они проснутся, то пожалеют, что не умерли! – вставил Сарух, – Их могут продать в рабство для покрытия убытков Вителлия Африкана Марцелла!

Мысль эта привела всех в восторг.

– Феликс! Сбей замок на воротах! Нам пора уходить! – приказал Дмитрий.

Огромный замок долго не хотел поддаваться кувалде, но в конце концов треснул и упал, едва не стукнув Феликса по пальцам ноги. С руганью тот отскочил, отбросил кувалду. Странно, что никто не подумал взять ключи в караулке. Ворота распахнулись.

– Вперед! Свобода и Спартак! – воскликнул наш герой.

Все устремились в темноту. Месяц в безоблачном небе отлично освещал дорогу, посыпанную светлой щебенкой. Голосили ночные птицы и цикады. До деревни два часа быстрым шагом. О том, что произойдет в деревне, Дмитрий не хотел думать. Война есть война. Вот дорога сделала поворот, и школа скрылась из виду. И тут...

Часть вторая: Вставай, проклятьем заклеименный, весь мир голодных и рабов!

Глава первая

И тут всё вокруг неуловимо изменилось. Дорога по другому ощущалась под ногами. Яркая звезда, на которую Дмитрий держал направление, опустилась на пол-лаптя к горизонту. Да весь рисунок звездного неба изменился! Созвездия немного перекошились, совсем чуть-чуть, но заметно! На небе появились облака, которых не было секунду назад. Самый воздух пах, вроде, иначе, чем прежде. А самое главное – исчезло несколько человек, только что шагавших рядом.

– Стой! – скомандовал Дмитрий в замешательстве.

Отряд остановился.

– Перекличка!

Все начали выкликать свои имена. Тут же выяснилось, что исчезли все трое иллирийцев, женщины, повар с помощником и кухонные рабы. Двенадцать человек!

Исаак, аравиец, метнулся обратно к повороту дороги, но и там никого не было. Прямо наваждение какое-то!

– Их всех поглотили демоны ночи! – начиная паниковать, крикнул один из африканцев.

Все встревоженно зашумели.

Дмитрий выдвинулся вперед и вскинул руку.

– Я, Димитриос из тотема Сова, ваш вождь, не боюсь демонов ночи! Беру вас всех под свою защиту! Вперед! На Боккаринию! Там ждет нас добыча, оружие, лошади и новые товарищи по борьбе! Назад дороги нет! Свобода и Спартак!

Все снова зашумели, на этот раз с облегчением. Отряд снова зашагал по дороге.

Появилась деревня. Час был поздний, большинство жителей спали. Только кое-где помаргивал огонек светильника или рдели угли в очаге.

– Значит, так, орлы! – твердо скомандовал Дмитрий обступившим его возбужденным воинам, – Окружаем деревню и поджигаем что-нибудь. Объявляем свободу всем рабам, берем в отряд всех, кто может держать оружие. Легионеров в деревне нет, так что сопротивление если и будет, то номинальное. Берем всех подходящих коней, седла, деньги, золото, буде найдем. Оружие и доспехи, конечно. Еду. Всё! Вопросы есть?

– А как насчет баб? И винишка? – спросил, ухмыляясь, Тукам, африканец, богатырь под стать Феликсу, вооруженный огромным боевым молотом.

С тоской Дмитрий понял, что насилия не избежать. Что ж, на войне, как на войне. Победители издревле празднова-

ли победу вином и насилием над женщинами. Удержать их от этого никому не удавалось. Никогда.

– Приказываю: не трогать детей. Баб не калечить и не убивать. Под страхом смерти! Кто будет пьян так, что не сможет идти утром, зарежу лично, римлянам не оставлю. Справедливо?

– Справедливо! – хором отозвались бойцы.

Оставив десять человек в тени деревьев по периметру базарной площади, он с Феликсом, Моше и Тукамом вышел к фонтану. И обалдел. Деревня тоже изменилась. Храм был другой, поменьше и поприместей, колонн у входа всего четыре, а не шесть, и капители дорические, а не ионические. А надпись на фронте гласила, что это храм Весты. Весты, а не Юноны! Помост, с которого его продавали, был чуть в стороне. И дуба, огромного дуба на краю площади не было раньше! Но некогда размышлять об этом.

– Моше, подпали-ка этот помост, символ работорговли!

Тот охотно повиновался. С помощью Тукама притащил хворост, разломал несколько досок с базарных прилавков. Сухое дерево занялось быстро. Через несколько минут на площади было светло, хоть кино снимай. Из домов стали выскакивать встревоженные люди. Где-то залился плачем младенец, залаяли собаки.

Отряд, стянув кольцо, окружил небольшую толпу. Дмитрий вышел вперед.

– Приказываю сдать все ценности, оружие и лошадей!

Всем рабам объявляю свободу! Кто пожелает, может присоединиться к моему отряду! Сопротивление бесполезно! Подчиняйтесь, и останетесь живы! – прокричал он воистину громовым голосом.

Откуда что берется?

Народ, моментально поняв, что ночная битва с неизвестным противником не в интересах деревни, быстро сложил на площади кучу из оружия и доспехов (немного, всего несколько старых шлемов и кирас). На расстеленную простыню посыпались деньги и украшения. Золота было мало, всего несколько пар серег и десятков колец. Обрадованные освобожденные рабы – человек сорок, привели лошадей. Опытные лошадики Моше и Исаак выбрали годных под седло. Их оказалось всего восемь. Немного, но лучше, чем ничего.

Бойцы смотрели на своего вождя с обожанием, но глаза у них блестели в отсветах пламени волчьим блеском. Дмитрий вздохнул. Нет, от грабежа и насилия их не удержать! Самого порвут, как Тузик грелку.

– Моше, Феликс! Вы со мной, охраняете добычу! Эй! Выступаем на рассвете! Помните мой приказ, и передайте его новичкам!

С улюлюканьем бойцы бросились на толпу, хватая женщин помоложе. Визг, вопли, стоны. Дмитрий отвернулся. Некоторые мужчины попытались противостоять этому, но блеснули клинки, и острый, ни на что другое не похожий,

запах крови разнесся в воздухе.

На рассвете все собрались. Кое-кто пошатывался, но не падал. Густо несло перегаром. Одежда у многих была в крови. Несколько человек было легко ранено, с наспех наложенными повязками.

– Кто не может идти? – громко крикнул Дмитрий.

– Симон, о вождь! – откликнулся Исаак, – Ему перебил ноги кузнец!

На руках вынесли Симона. Он был в сознании. Крупные капли пота покрывали его лицо. Обе ноги ниже колен были сломаны, осколки кости торчали наружу. Не залечить.

– Привести кузнеца! – приказал Дмитрий.

Связанного, покрытого копотью мужика тут же поставили на колени перед отрядом.

– Я защищал свою семью и имущество, вождь! Каждый имеет право на оборону! – вскричал тот.

– Верно! – кивнул бывший студент римского права, и обратился к Симону:

– Поединок был честный?

– Да, мой вождь. Он победил меня в открытом бою.

– Тогда я отпускаю этого человека. Он прав, каждый имеет право на самозащиту!

Воины одобрительно зашумели. С кузнеца сняли веревки и слегка наподдали по филейной части, чтоб резвей двигался.

Дмитрий подошел к Симону.

– Рана моя смертельна, вождь. Я уже не поправлюсь. Даже если ампутировать ноги, римляне распнут меня, ибо мне некуда деться отсюда. Вы не можете отягощать себя такой обузой. Милосердия, Димитриос! – он говорил быстро, глотая слоги, лихорадочно блестя глазами. Руки его беспокойно шарили по земле, как бы ища что-то.

Он прав, бедолага. Отряд должен двигаться быстро, любая задержка смертельно опасна. До Везувия далеко, мало ли, что нас ждет по дороге...

Дмитрий вынул меч и содрогнулся. Он, в душе все ещё Митенька Совин и нежный мальчик, должен сейчас убить человека! Товарища! Но это надо, необходимо сделать для блага всех, и в первую очередь – Симона.

Приставив меч к нижнему краю ребер, Дмитрий Иванович Совин, рожденный в двадцатом веке, он же Димитриос из тотема Совы, вождь восставших рабов в веке первом до нашей эры, прошептал:

– Прощай, товарищ! – и резким движением вогнал меч снизу вверх, под грудину.

Отряд невольно охнул. Глаза Симона широко раскрылись, он замер... замер. Что-то неуловимое покинуло его. Душа? Наверное...

Дмитрий встал, выдернул клинок. С противным чавкающим звуком, как сапог из грязи. Вытер лезвие пучком травы. Он был спокоен, даже сам не ожидал.

– Вперед! На Везувий! Свобода и Спартак! – раздалась

его команда.

– Виват! Виват! Виват! – трижды прокричали бойцы, удаляя мечами по щитам.

– Ну, и где мой сын? – задушенный, негромкий голос олигарха Совина штормом качнул сидящих за столом людей.

– Его нигде нет, Иван Пантелеевич! – выдавил из себя в одночасье постаревший Тимофеич.

– Я не спрашиваю, где его нет! Впрочем, доложи по порядку... – голос внезапно пресекся и плечи дрогнули.

– Агр-хм... Как и было задумано по сценарию, мы создали условия для побега...

– С самого начала, Коля, – Иван Пантелеевич снова обрел выдержку.

– Слушаюсь! Похищение Дмитрия и телохранителя Евгения Громова прошло успешно в назначенное время. Помещение их в условия, так сказать, предпродажной подготовки, было шоком, давшим правильный настрой на ситуацию. Поездка в деревню и продажа телохранителя в рабство в кавычках, только укрепило волю к борьбе. Оказавшись позднее в роли будущего гладиатора, Дмитрий проявил немалую выдержку и хитрость, как докладывает его инструктор-наставник Жуан Перейра, по роли – Корнелий, здесь присутствующий. Окончательный сдвиг социально-психических установок произошел после боя на арене, воспринятого всерьёз. Мы полагаем, что именно тогда возникла четкая установка

на побег, на руководство людьми и на возможное применение насилия по отношению к охране. К сожалению, Дмитрий был ранен в бою, и за время выздоровления принял иное решение, отказавшись от прямой схватки с охранниками. Вместо этого он разработал никем не предвиденный вариант: усыпить охрану опиумом. Где он его взял, выясняем. Как и было предусмотрено сценарием, мы создали благоприятные условия для побега. Хозяин школы в кавычках и Корнелий уехали, якобы, в деревню. Дмитрий, с помощью сообщницы, передал в караулку опиум в вине. В результате все охранники уснули. Сейчас их лечат от отравления опиумом средней тяжести, доза была велика. Страшно подумать, что было, если бы Дмитрий, к тому времени уже признанный вождем, принял решение перерезать спящих! По первоначальному варианту сценария охрана должна была бежать, якобы не выдержав натиска восставших. В километре от школы беглецов должны были встретить мои люди и усыпить газом. В дальнейшем для Дмитрия была разработана легенда о спонтанном путешествии во времени. Предполагалось его пробуждение по соседству с кампусом. В назначенное время все было подготовлено, но к месту встречи вышло только двенадцать человек: четверо женщин, пятеро с кухни, и трое аргентинцев-каскадеров. Остальные – африканцы и йеменцы, а также сам Дмитрий, исчезли на глазах, что подтверждается оперативной видеосъемкой. Массированный поиск в радиусе десяти километров результатов не дал. Спрятать-

ся там негде, ни пещер... ничего. Поиск велся с применением самых современных технологий, включая детектор инфракрасных лучей и масс-детектор. Вмешательство посторонних сил: иностранных разведок, террористов и тому подобное – исключено! – Тимофеич замолчал.

Помолчав с минуту, Совин на своем ужасном английском задал вопрос:

– Скажите, дон Жуан, по Вашему мнению, были ли у Дмитрия хоть малейшие сомнения в реальности обстановки? Считал ли он искренне, что находится в Древнем Риме?

– Ответ на первый вопрос: нет. Сомнений у него не было. Ответ на второй вопрос: да. Однозначно. Мы не допустили ни малейших проколов. Все было выполнено по всем правилам искусства. Ни малейшей фальши. Даже мертвый труп на стене был распят настоящий! – Жуан-Корнелий развел руками.

Иван Пантелеевич потер лоб:

– Значит, так! Продолжать искать! Всех наших людей в Италии задействовать двадцать четыре часа в сутки, по авральному. Где-нибудь, да объявится... Коля! Свяжись с... ну, ты понял с кем. Пусть настроят также свою сеть. Поднять контакты с пиратами, контрабандистами, террористами, мафией. То-есть – глобальный поиск по всей Европе и Северной Африке. По всему Средиземноморью, блин! Обещать награду – реши сам, сколько. О результате доложить мне немедленно. Вообще, о ходе поиска информировать меня

ежечасно. Всё! Вопросы есть?

– Вопросов нет, Ваня. Вернее, есть, но не к тебе. Что же, все-таки, произошло, а? Если допетрим, хоть приблизительно, то будем знать, где искать!

– Дельно мыслишь, Коля! Напряги всех, кого считаешь нужным – от Академии наук до... этих... ядерных физиков! Психологов тоже подключи, экстрасенсов. Кого угодно, лишь бы нашелся! ... Ах, Митенька... Митенька! ... Доигрался я, старый дурак!

Глава вторая

Забегая вперед, Читатель, скажу, что тайна эта осталась нераскрытой. Никто не смог вразумительно объяснить, куда исчезли пятнадцать человек. Придется взяться за это Автору.

Все было просто. И сложно. Дело в том, что существует гипотеза, согласно которой Время – это могучий поток, река, по течению которой мы плывем в настоящем, как в лодке, наблюдая смену пейзажей и декораций вокруг нас. Прошлое скрыто от нас прихотливыми поворотами, но оно существует! Оно реально, но мы не можем повернуть лодку настоящего вспять. Однако, если бы появилась возможность пройти назад по берегу, фигурально говоря? Мы бы оказались в том настоящем, которое было день, год, тысячу лет назад!

Мы ощущаем эпоху, в которой живем, всем своим опытом. Тысячи связей удерживают нас в настоящем: телевизор, транспорт, разговор с соседями... Информация! Благодаря ей мы знаем, в какой эпохе существуем. Но если эти связи оборвались? Если возникли другие? Именно это и произошло с Дмитрием Совиным! В результате убежденности, что он находится в Древнем Риме, в эпохе, удаленной от нас более чем на две тысячи лет, и благодаря опыту жизни в этой эпохе (пусть и созданной искусственно!) у него сформировалась так называемая мыслеформа – знание, воплотившее-

ся в реальность, перенесшая его в 680 год от основания Рима. Вот такие штуки может проделывать наш мозг, особенно в состоянии стресса, да! Что же касается йеменцев и африканцев, перенесшихся в прошлое вместе с ним, то там было тоже самое: мыслеформа, тем более устойчивая, что была выработана благодаря авторитету вождя. Вот так, товарищи! Если есть вопросы к докладчику, просьба задавать их в письменном виде.

Отряд беглых рабов шел на Юго-Запад. На второй день после побега произошла первая стычка с регулярными частями римлян. Легионеры, числом двадцать, были замечены разведкой на опушке леса в полукилометре от развилки дорог. Дмитрий, посоветовавшись с Моше, решил атаковать. Проскользнуть мимо все равно бы не получилось. Восемь всадников-аравийцев, вооруженных пиками, он отправил в тыл противника, а сам, с остальными бойцами, выдвинулся в лоб. Построенные цепью, гладиаторы и примкнувшие к ним рабы из Боккаринии приблизились на сотню шагов, прежде, чем их заметил часовой. По свистку командира, легионеры построились и сомкнули щиты. Их начищенные доспехи сверкали в лучах полуденного солнца. Вид был браваый и грозный. Дмитрий пожалел, что у него нет лучников. Ну, что ж, рукопашная, так рукопашная! По его команде отряд начал наступать. В центре шли здоровяки-африканцы: Феликс с огромным топором, остальные трое – с боевыми

молотами. Страшное оружие: удар его, если достигает цели, не смягчить ни щитом, ни броней.

Римляне, выставив копья, внимательно смотрели поверх щитов. Отряд наступающих растянулся полукругом, обходя легионеров с флангов. Феликс и трое его соплеменников бросились в атаку. Остальные, размахивая копьями и мечами, устремились за ними. Взметнулись и опустились молоты в центре, топор Феликса описал дугу. Казалось, римляне исчезли под волной нападавших. Но... нет! Гладиаторы отхлынули, цепочка легионеров была цела. Ни один удар молота и топора не достиг цели. Длинные копья удержали нападавших вне зоны поражения. Двое было серьезно ранены. Не давая возможности перегруппироваться, легионеры двинулись в контратаку, и вывели из строя еще четверых. Дмитрий безуспешно пытался достать копьем правого флангового. Увертливый попался, гад ядовитый! Отряд отступил. В этот момент в тылу противника появилась конница. Длинные пики с массивными четырехгранными наконечниками вонзились в спины, пробивая броню, и шестеро легионеров погибли мгновенно. Строй был нарушен, замелькали мечи воспрянувших духом беглецов. Ещё троих успокоили молотами. Феликс зарубил двоих. Не ждавшие от беглых рабов пощады, легионеры бились отчаянно, полегло уже более десятка повстанцев. Вопли раненных и умирающих завязывали тугим узлом кишки в животе. Дмитрий схватился с командиром. Жилистый мужик лет тридцати,

ветеран многих битв, явно знающий свое ремесло. Виртуозно работал он копьем и щитом, не подпуская противника для уверенного удара. Силен, скотина! Гопломах, блин! А если в прыжке, сверху тебя пырнуть? Увернулся, гадюка, чуть самого не приколол... Видя, что копьем его не достать, Дмитрий, вспомнив уроки Саруха, решил перейти в ближний бой. Сманеврировав так, чтобы оказаться ближе к дереву, он разбежался и прыгнул, отбрасывая щит и копье. Оттолкнувшись от ствола, изменил направление полета, одновременно выхватывая меч. Римлянин, решив, что его будут атаковать сверху, поднял копье, чтоб насадить на него тушку глупого раба, но Дмитрий упал на землю и перекатился через плечо прямо врагу под ноги, выбрасывая меч вверх. На! Получи, фашист, гранату! Опустившийся щит больно ушиб шею, но колющий удар уже достиг цели. Клинок наполовину погрузился в живот, пройдя под кирасой и рассекая брюшную аорту. Легионер умер мгновенно. Рухнув на Дмитрия, он придавил его, заливая потоком горячей соленой крови. Когда наш герой выбрался из-под трупа, всё уже закончилось.

– Димитриос! Ты цел? – кинулся к нему встревоженный Феликс.

– Цел. Доложи обстановку, – приказал Дмитрий, пытая и вытирая липкую кровь с лица.

Феликс начал загибать пальцы:

– Двадцать римлян переселились в царство Плутона. На-

ших погибло девять, ранено шесть, из них четверо тяжело. Придется их добить, не брать же с собой! Да и все равно умрут через сутки-другие. Гладиаторы все целы, погибли только эти, не обученные.

Пока бойцы снимали с трупов броню и делили её между собой, их командир думал мысли. И вот к каким выводам он пришел: римляне очень хорошо сражаются в строю. Конница же не всегда может выступить так удачно, как сегодня. Значит, надо научиться разрушать строй, чтобы убивать легионеров по одиночке. Военная подготовка – залог выживания отдельного воина. Обученные гладиаторы уцелели все! Новички оказались ходячей смазкой для мечей. В ближайшей же деревне надо будет задержаться и кое-что железное сковать...

Закончив приводить себя в порядок, отряд построился. Теперь все были экипированы полностью: добротные штатные доспехи, щиты, копья. Дмитрий надел шлем командира, с плюмажем из конского волоса.

– Слушайте мой приказ: в деревню войдем под видом легионеров. Никакого насилия, никаких реквизиций. Нам надо задержаться там, построить кое-что. Левое плечо вперед... Шагом... Арш!

Отряд затопал по дороге, вполне правдоподобно изображая полуцентурию. Через час они вошли в деревню, названия которой не озаботились узнать. Вышедшему навстречу

старосте сообщили, что они патрулируют дороги в поисках сбежавших из школы Вителлия Африкана Марцелла мятежных рабов. Староста покивал понимающе, пригласил располагаться. Дмитрий попросил проводить его к местному кузнецу. Кузнец оказался понятливый, и, по чертежу центуриона в кавычках, до вечера изготовил шесть арбалетов и запас стрел к ним. Стрелы были из наконечников лишних пик, толщиной в большой палец Феликса и длиной двадцать сантиметров. Точности боя ожидать не приходилось, но пробивная способность была большая. На закате устроили испытания. Тушу свиньи, подвешенную на ветке дуба, одели, под веселый гогот всего отряда, в кирасу и заслонили щитом – стандартным, деревянным с кожаным покрытием. Моше взял арбалет, вставил ногу в стремя и с усилием взвел. Наложив стрелу, вопросительно глянул на командира:

– Я стрельну, но какая дистанция, вождь?

– Попробуй с двадцати шагов, – распорядился наш изобретатель.

Прицелившись, Моше нажал на спуск. Проволочная тетива звонко тренькнула, вжикнула шмелем стрела. Чвак! Туша качнулась едва приметно. Все наперебой бросились к дубу. Стрела торчала из ствола позади туши, глубоко уйдя в древесину.

– Ништяк! – завопил Дмитрий, не в силах сдержать свой восторг.

– Стрела прошла навывлет, пробив щит, кирасу и тушу! –

ликовали бойцы.

Эксперимент повторили, сначала с тридцати шагов, затем – с пятидесяти. Результат был тот же. Стрелять на большем расстоянии не было смысла: сильно возрастал риск промаха. Арбалеты раздали необученным новичкам, также, как и десяток боевых бичей, о которых Дмитрий где-то читал. Бичи были сделаны из реквизированных пастушьих кнутов, к которым прикрепили небольшие гирьки.

– Разве это оружие для воина? – презрительно хмыкнул Тукам, недоверчиво взвешивая на ладони грузик не более ста граммов весом.

– Возьми копье и нападай на меня! – усмехнулся Дмитрий, взяв бич наизготовку.

Тукам, пожав могучими плечами, приготовился к атаке. Свистнув, бич обвился вокруг древка копья. Рывок! Тукам едва устоял на ногах, но копья лишился. Следующим взмахом бича Дмитрий захлестнул его ноги. Тукам с воплем шлепнулся наземь.

– Ништяк! – воскликнул победитель, сматывая бич.

– Ништяк! – хором воскликнули бойцы.

Тукам, восхищенно ругаясь, поднялся.

– Ништяк, Димитриос! Я предлагаю присвоить тебе это имя! Да здравствует наш вождь, Димитриос Ништяк из тема Сова! Да спасет нас его мудрость!

– И теперь все мы – Ништяки! – подхватил Моше.

– Виват, виват, виват! – отозвались воины, которым это

название явно пришлось по душе.

Так Дмитрий и весь отряд обрели боевой псевдоним.

Уже в темноте зажарили на вертеле многострадальную свинью.

– Моше, разве твоя религия позволяет тебе есть свинину? – пробурчал Дмитрий, обглаживая вкусные ребрышки.

– Ой, конечно, нет! Но Иегова простит нас, учитывая, что другой еды нет. Мы же не можем голодать! К тому же, Исаак прочитал молитву, и это мясо теперь кошерное.

Улыбнувшись на это наивное объяснение, Дмитрий велел располагаться на ночлег. День был трудный, хотелось спать. Принеся из какого-то амбара охапку соломы, он завернулся в плащ с головой. Сон пришел мгновенно.

Выступив на рассвете, они почти немедленно увидели с полсотни римских всадников, рысью скакавших прямо на них. Выругавшись, и удивившись их оперативности – не иначе, заложил кто-то деревенский! – Дмитрий начал отдавать команды:

– Арбалетчики, в центр! Стрелять с двадцати шагов! Пики к бою! Щиты сомкнуть! Биченосцы, на фланги! Валите лошадей! Свобода и Спартак!

Отряд ошетинился пиками, древки которых были прочно упёрты в землю под углом в сорок пять градусов. Занеся молоты над головой, застыли африканцы. Феликс изготовил-

ся рубануть своим топором. Расстояние стремительно сокращалось. Римляне опустили длинные пики, готовясь снести кучку уступавших им в числе противников. Кавалерия в чистом поле супротив пеших – это серьезно! Против лома нет приема, если нет другого лома...

Двадцать шагов! Хором прожужжали стрелы. Ни одна не пролетела мимо! Шесть всадников повалились с коней. Немедленно с флангов выскочили биченосцы. Ноги ещё восьми коней спутались. Вместе с седоками несчастные животные грянулись оземь. Арбалетчики выстрелили снова: ещё шестеро, нет, семеро (одна стрела сразила двоих!) умерли, не успев вскрикнуть. Частокол пик отразил атаку ещё восьмерых, пронзив шеи и грудные клетки коней. Прорвавшихся взяли в мечи. Топор Феликса загудел, рассекая воздух, и врезался в закованных в броню всадников. Двоих он перерубил пополам, ещё одному снес башку. Огромные молоты валили коней с одного удара. Дмитрий, поднырнув под занесенный над ним клинок, перерубил легионеру бедро. Крик его вызвал в памяти гудок паровоза в тумане. Нога, выскользнув из стремени, с глухим стуком упала в траву, конвульсивно сгибаясь и разгибаясь. Снова арбалетчики скошили ещё пятерых. Гирька бича угодила легионеру в глаз, полетели красные брызги. Другой бич захлестнул чью-то шею. Легионеры, завязнув в месиве из трупов людей и коней, отчаянно рубились мечами, но тщетно. Здесь вам не тут! Сила кавалерии в скорости и маневре! А они были лишены и того,

и другого...

О, центурион! Иди сюда, глупенький! Дмитрий прыгнул на спину командира и покатился с ним по дороге, больно ушибив коленку. Командир рычал от ярости, пытаясь уку- сить своего пленителя за лицо, но был стукнут затылком о камень, и успокоился. Во, какой злобный попался!

Поднявшись, Дмитрий быстро осмотрелся. Почти все всадники были перебиты, лишь четверым удалось вырваться из мясорубки. Но они не отъехали далеко. Двоих доста- ли бичи, остальные пали от стрел арбалетов. Прихрамывая и морщась от боли в колене, Дмитрий подошел к своим лю- дям. Он не поверил своим глазам: все были целы! Двое легко ранены, убитых нет. Ништяк, ребята!

– Виват, Ништяк! – гаркнул Феликс, весь перепачканный кровью.

– Виват! – подхватили остальные Ништяки.

– Вольно, бойцы! Собрать оружие, особенно стрелы, и уцелевших коней. Привести себя в порядок. Мы – от- ряд Ништяков, а не орда! – скомандовал вождь, усаживаясь на тушу лошади.

К нему подвели пленного командира, предварительно ле- гонько настучав по сусалам. Не со зла, а так, для остратки.

– Как вы узнали, что мы не те, за кого себя выдаем? Я ду- мал, что мы выглядели вчера вполне достоверной полуценту- рией! – вежливо поинтересовался Дмитрий.

– Ты носишь доспехи центуриона, но у тебя акцент варва-

ра. К тому же, нет в округе никакой гладиаторской школы, и имя Вителлия Африкана Марцелла здесь неизвестно. Староста сразу смекнул и послал гонца.

Дмитрий изумился. Нет школы? Но они бежали оттуда всего три ночи назад! Странно... Ладно, подумаем на досуге.

– На каком направлении мы можем встретить патрули? – спросил он по прежнему вежливо, растирая колено лошадиным жиром, который выковырнул из-под шкуры коня.

– На всех дорогах, раб! Вас ждут везде, и не укрыться вам от гнева Рима и возмездия! Если вы сдадитесь мне сейчас, то вам сохранят вашу презренную жизнь. Если нет, то вас ждет распятие. Или костер, – добавил пленник, подумав.

– Скажи мне пароль, о воин Республики! – потребовал вождь рабов, наглая рожа, сидящий в присутствии гражданина Рима.

– С какой стати? Я, патриций, сын Всадника, не предаю Рим!

Дмитрий задумался. Не скажет, даже если обещать жизнь, это точно.

– А если я прикажу тебя пытаться?

– О, конечно, – засмеялся пленник разбитыми губами, – тогда я скажу! Но ты не будешь уверен, что пароль правильный!

И верно, как его проверишь?

На помощь пришел хитроумный Исаак.

– Я слышал, что у них пароль может быть веществен-

ный. Статуэтка кого-нибудь из богов, или что-то вроде. Надо обыскать его, Ништяк!

По тому, как дернулся центурион, стало понятно, что Исаак, возможно, прав. Моше сделал знак, и пленного обыскали, но ничего не нашли.

– Обыщите труп его коня! – предложил Исаак.

Конь оказался тот самый, на котором сидел Дмитрий. В седельной сумке, действительно, нашлась керамическая плитка, изображающая бородатого Нептуна с вот таким трезубцем. Странная вещь для конного подразделения вдали от моря!

– Значит, пароль – Нептун? – удовлетворенно хмыкнул дознаватель в кавычках.

Центурион был плохим актером, и не смог скрыть правду. Подтверждение догадки было написано на лице заглавными буквами.

– Это не спасет тебя, раб! Ты проскочишь один, два патруля, но уж третий размажет тебя по равнине, как кусок собачьего дерьма! – трясясь от ярости крикнул он.

– Ой, не надо так волноваться! В военном деле всякая малость пригодится! – нравоучительно изрек Моше, – Два патруля мимо, или три – все лишний шанс выжить!

Между тем, отряд закончил сбор оружия и построился.

– Убить его? – деловито предложил Феликс, ковыряя пальцем засохшую кровь в волосах.

– Нет. Пусть уходит. Пока он доберется до своих, мы бу-

дем уже далеко, – отрицательно покачал головой Дмитрий, не желая лишней смерти, от запаха которой его уже мутило.

Центурион побледнел. Он не мог вернуться с таким позором, потеряв всех своих людей, выдав пароль и приняв в подарок жизнь от пленившего его ничтожного раба, вчера ещё черпавшего дерьмо из выгребных ям!

– Дайте мне меч! – хрипло прошептал он, сплевывая кровавую слюну.

– Зачем? Биться с тобой на поединке из спортивного интереса никто не будет! – пожал плечами сидящий перед ним враг, низкий раб, подлыми приемчиками победивший его, потомственного воина!

– Я сказал, дай мне меч, варвар! – почти умоляюще повторил аристократ, кривя губы.

Дмитрий, подумав, кивнул Моше. Тот протянул пленному меч, лезвием вперед. Центурион взялся за клинок двумя руками. Крепко, так что выступила кровь.

– Проклятие Плутона на всех вас, рабы! Чтоб ваши души вечно скитались в царстве теней, не найдя покоя после смерти! – воскликнул он с пафосом и вонзил железное жало себе в горло.

Алая струя хлынула фонтаном, орошая траву. Дмитрий вздохнул. Суровая, однако, эпоха!

Отряд двинулся дальше. До Везувия было ещё шагать и шагать.

Глава третья

Нет, правильно я сделал, что напрямик не поперся! Точно, спалились бы, как центурион и предупредил. Слишком много патрулей, с каждым биться – все руки отмахиваешь! Нормальные герои всегда идут в обход.

Дмитрий повел отряд на Юг – в этом направлении их не ждали. Тем не менее, за десять дней было ещё три стычки с патрулями. Одну удалось избежать, благодаря паролю, две других выиграла, тем самым обрета обоз: оружие и доспехи уже приходилось везти на телегах. По пути захватили ещё четыре деревни, в результате чего отряд разросся до пятисот пятидесяти человек и достиг размеров когорты. Количество арбалетчиков составляло теперь треть отряда. Боевые бичи несло семьдесят человек. Сотня конников являлась мощным резервом. Исаак был назначен командиром конницы и разведки. Моше – начальником штаба. Феликс командовал пехотой. В одной из захваченных деревень, где простояли три дня, бойцы изготовили штандарт – медную Сову с распротертыми крыльями. Это было приятно, теперь они – настоящее воинское подразделение! На каждой дневке проводились тренировки личного состава. Бойцы учились рукопашной, приемам боя сомкнутым римским строем. В головы вчерашних рабов вкладывали основы дисциплины. Крутыми методами. Несколько анархистов, не желавших подчи-

няться, были обезоружены и изгнаны из отряда. Двоих пришлось повесить за невыполнение приказа: один улегся спать на посту и проморгал ночное нападение римлян – едва отбились, спасибо арбалетам! Другой нагло игнорировал приказ сдавать всю добычу в общий котел и был уличен в присвоении значительного по размерам мешка сестерциев.

Короче, к Везувию подошли не ордой корявой, а бравым, скажем так, батальоном, когортой, выражаясь языком эпохи.

К Спартаку для переговоров был послан Исаак. Через день он вернулся, неся приглашение вождя отряду Димитриоса Ништяка присоединиться к его армии.

– Как там, в кратере? – завопил Феликс, подпрыгивая на месте от нетерпения.

– Ой, в кратере они устроились прекрасно! Целый городок построили. Дома, понимаешь. Никаких палаток. Порядок образцовый. Только жратвы маловато, и вина.

– У-у... Может, не пойдем, а, Димитриос? – скорчил рожу Феликс.

Дмитрий расхохотался:

– Пойдем, пойдем! Не вечно на горе сидеть, скоро в наступление пойдем, вот увидишь!

У входа в штабную хижину телохранитель тактично забрал меч пришедшего на собеседование новичка. Пригнувшись, ибо дверной проем был низковат, Дмитрий шагнул внутрь. Осмотрелся: стол, пара лавок, сундук, очаг. Скром-

но, в общем.

Спартак оказался лысоватым жилистым мужичком среднего роста и неопределенного возраста, совершенно не похожим на Кирка Дугласа из старого фильма. Дмитрий уже заметил, что, как правило, люди этой эпохи выглядят старше своих лет. Рядом с вождем стоял галл Крикс, начальник контрразведки. Внешностью он напоминал пьющего сантехника, но глаза были внимательные и умные. Одеты оба были в одинаковые светлые туники и плащи.

– Входи, Димитриос Ништяк из тотема Сова! Салют тебе!

– Салют, вожди!

Все сели к столу.

– Чашу вина, дорогой гость? – учтиво предложил Крикс.

– Не откажусь.

Телохранитель налил вина из большой, литров на семь, амфоры.

– Отличное вино! – похвалил Дмитрий, смакуя.

– Фалернское, выдержанное, – пояснил Спартак, – Тут, неподалеку, жил один ценитель.

Они с Криксом только пригубили.

– Итак, Димитриос, с чем ты пришел к нам? – задал открывающий беседу вопрос контрразведчик.

– Я привел к вам пятьсот пятьдесят воинов, из них сотня – конные. Я принес вам оружие и доспехи – триста комплектов. Я вооружил моих людей арбалетами, которые пробивают щит, кирасу и тело насквозь с пятидесяти шагов. Я

знаю многое другое, что поможет победить римлян, но мне нужно время на эти проекты.

– Дельно! Я, от имени всех восставших, благодарю тебя! – поднял руку Спартак.

– Знаешь ли ты грамоту, Димитриос? – наклонился вперед Крикс.

– Да, я умею читать и писать по латыни.

– Владеешь ли ты искусством арифметики?

– Владею, – подавил улыбку Дмитрий.

– Тогда скажи: у сотни лучников в колчанах по полусотне стрел. Сколько всего стрел во всех колчанах?

– Всего будет пять тысяч стрел, Крикс, – улыбнулся наш ученый арифметик.

Вожди были потрясены.

– Кто сообщил тебе ответ? У тебя не было времени сложить все стрелы!

Дмитрий пожал плечами.

– Спроси что-нибудь ещё, если хочешь убедиться в моем умении считать!

Посоветовавшись, ему задали новую задачу:

– В одном легионе четыре тысячи воинов. В одной когорте пятьсот воинов. Сколько будет когорт в пяти легионах?

– Сорок! – был немедленный ответ.

– Ты считаешь в уме мгновенно, как бог Аполлон! – восхищенно завопил Спартак.

Выпили за арифметику.

– Расскажи о себе, Димитриос. Откуда ты родом?

– Я родился в Херсонесе, что в Тавриде, на Понте Эвксинском, но долго жил на севере, в лесах. (Действительно, родился он в Севастополе). Моё племя называется Русский народ. Здесь нас почти не знают.

– Ты говоришь по гречески, на Койне?

Дмитрий уже знал, что Койне – греческий язык, широко распространенный в Средиземноморье, Малой Азии и в Крыму.

– Нет, не говорю.

– По латыни ты говоришь не очень хорошо, делаешь ошибки, да и акцент... Как же ты научился грамоте?

– У меня были хорошие учителя.

– Как ты попал в Италию?

На этот вопрос Дмитрий заготовил ответ заранее.

– Мы плыли на корабле из Херсонеса в Бриндизи, но шторм разбил нас о скалы. Меня взяли, пока я лежал без сознания на берегу.

– Так ты подданный царя Митридата Евпатора?

– Нет. Я был там по торговым делам.

– Между Понтом и Римом недавно началась новая война. Как же римская береговая стража не перехватила вас?

– Так, это... Капитан – опытный контрабандист. Мы плыли скрытно.

– Понятно... Что было потом?

– Меня продали в школу Вителлия Африкана Марцелла,

где я провел месяц. Затем мы бежали, усыпив сонным зельем стражу.

– Сколько вас было?

– Двадцать семь человек. Но двенадцать исчезли неизвестно куда, и я не могу это объяснить.

– Каким богам ты поклоняешься, Димитриос?

Дмитрий задумался. Он никогда не был ревностным христианином, да и само Христианство ещё не возникло.

– Я верю в единого бога Иегову и его сына, который должен родиться через семьдесят лет и принести людям благую весть и новый смысл жизни. Я не умею объяснить подробнее. Но я уважаю веру людей в других богов.

Беседа, а по сути – допрос, продолжалась ещё долго. Амфора опустела, язык Дмитрия начал заплетаться.

– Хорошо, Димитриос. Однако, уже поздно... Иди, устраивайся на ночлег. Мы рады видеть тебя в наших рядах, – улыбнулся Крикс, но одними губами. Глаза его были холодны.

Простившись с вождями, наш герой, покачиваясь вышел на воздух. Небо было безоблачное, на западе багрянец заката обещал свежий ветер. Миртовые кусты и кипарисы источали смолистый запах, прочищавший лёгкие подобно шомполу с накрученной на него ветошкой.

«Это запах свободы!» – подумалось ему. Земля качалась под ногами, как палуба корабля.

– Ты пил сегодня хорошее вино, вождь! – завистливо по-

тянул носом Феликс, когда Дмитрий плюхнулся на землю у костра.

Счастливо икнув, вождь завернулся в плащ и захрапел.

Спартак шлёпнул ладонью по столешнице:

– Что скажешь, Крикс?

– Мне не нравится этот человек. В нем есть двойное дно. Нет, он не агент Рима, не враг... Но у него концы с концами не сходятся! Отлично образован для северного варвара, но кто слышал когда либо о Русском народе? Родился в Херсонесе, но по гречески не говорит, и город описать толком не может. Оттуда же отплыл в Италию, что странно в свете того, что сейчас война и даже контрабандисты спрятались в свои раковины. Какой дурак поплывет в Бриндизи, там ведь полно патрульных трирем! И нет никакой школы гладиаторов в том районе у Боккаринии, мы бы знали, чай, сами гладиаторы. Не доверяй ему, Спартак! Мы можем использовать его, пусть ведет своих людей в бой, но приставь к нему комиссара, который в случае предательства перехватит командование и отправит Димитриоса к его единому богу.

– Я и так никому не доверяю, Крикс! – вздохнул Спартак, – Но этот нам нужен. Сколько грамотных людей в нашей армии? Всего трое могут читать. Писать – никто. А этот ещё и выдающийся арифметик! Согласен, у него есть какая-то тайна, которой он не хочет делиться с нами, но на данном этапе это не существенно. А насчет комиссара ты прав. Под-

бери подходящего человека.

Нет, ребята, не для нас определенно, такие пьянки! Это ж сколько я вчера всосал? Литра четыре, не меньше! Башка, как чугунный котел гудит... Руки трясутся отдельно от организма, а уж во рту сушняк – аж потрескалось все. О, Бахус, бог веселья и вина! Зачем ты вчера не придержал мою руку с чашей! ... Тут где-то был ручей... О, вот и он! Скорее туда!

Погрузившись в ручей с головой, жадно напился, пока не забулькало в животе. Вынырнул, отфыркиваясь. Уже лучше, господа!

– Феликс! Иди сюда!

– Что такое, Димитриос?

– Попей водички! Ты не представляешь, какая она вкусная!

Феликс заржал так, как будто ему пообещали платить по сестерцию за децибелл.

– Вылезай, поешь каши, Ништяк! – предложил он, отсмеявшись.

Дмитрий вылез из ручья, и, не вытираясь, подсел к костерку. Феликс протянул ему миску с кашей, сдобренной оливковым маслом. Поевши, почувствовал себя снова человеком, а не инвалидом.

– Я распорядился, бойцы строят хижины. Нам выделили место на склоне, во-он там! – Феликс показал пальцем.

Дмитрий одобрительно кивнул:

– Молодец! Пойдем, пройдемся. Посмотрим, что и как.

Не спеша, они пошли по периметру. Порядок в лагере был образцовый. Ряды хижин по линейке, на римский манер. Никакого мусора. Спартак навел отличную дисциплину!

Через полчаса Дмитрий заметил месторождение серы. Растер в пальцах, понюхал: отличная сера! Далее набрали на пещеру, из которой сильно несло аммиаком.

– Мне нужен факел, Феликс.

– Ты хочешь лезть туда? – удивился африканец, – Но там же воняет! И летучие мыши!

Но, тем не менее, факел принес.

Зайдя в пещеру, Дмитрий почти сразу увидел то, на что надеялся. Летучие мыши обитали здесь со времен последнего извержения, и стены пещеры, а также пол, были покрыты кристаллами селитры. То, что надо!

Десять частей серы, двенадцать частей селитры, семьдесят восемь древесного угля. Что получится? Правильно, порох!

Вернувшись в лагерь, пошел прямо к Спартаку.

– Салют, Спартак!

– Салют, Димитриос! Хорошо ли ты устроился?

– Да, спасибо. Можешь ли ты выслушать меня сейчас?

– Говори!

– Я вложу в твои руки новое, секретное оружие, которое поможет разгромить римские легионы. Все, что нужно, я нашел здесь, в кратере Везувия. Это, безусловно, благодаря благоволению богов. Мне нужны помощники, отдельная

хижина вне лагеря под лабораторию, а также инструменты. Через два дня мы испытаем то, что я создам.

– Ты получишь, то, что просишь, Димитриос Ништяк.

Через два дня Спартак, Крикс, Моше и Феликс собрались у края кратера для испытаний. Дмитрий насыпал порох в небольшой глиняный горшок и плотно заткнул его деревянной пробкой с вставленным запальным фитилем. Крышку для герметичности обмазали варом. Поместив горшок в дупло старого бука, Дмитрий поджег фитиль. По его расчетам, грохнуть должно было через минуту.

Приемная комиссия была укрыта в блиндаже, специально построенном для этого случая.

Фитиль догорел и раздался взрыв. То-есть, два фунта пороха рванули нехило! Бук, толщиной сантиметров пятьдесят, разнесло в щепки, и он с шумом рухнул, сотрясая землю. В ушах зазвенело. Потрясенные члены приемной комиссии вылезли из блиндажа и уставились на искореженный ствол.

– Клянусь громовыми стрелами Юпитера, моя голова едва не лопнула от этого грохота! – воскликнул Крикс.

Спартак открыл рот, но снова закрыл его, не в силах что-либо сказать. Он был тоже потрясен, и крепко.

– Вы видели и слышали это новое оружие. Если мы вложим горшок с порохом в другой, побольше, а между стенок насыплем обломки железа, то от взрыва они разлетятся и нанесут немалые повреждения живой силе противника, – объ-

яснил виновник торжества, – Можно делать небольшие гранаты, которые воины будут метать вручную, а можно и большие, метаемые катапультой.

Спартак, наконец пришедший в себя, стиснул изобретателя в объятиях.

– Да здравствует Димитриос Ништяк! Теперь римляне узнают гнев богов в полной мере!

Вопрос с производством гранат и бомб был решен, и все отправились обмыть это дело. А как же иначе!

Снова пили фалернское. На вертеле жарился баран, капая жиром на угли и распространяя аромат жаркого на весь лагерь. Каждый сам отрезал себе куски уже готового мяса и подал с большими ломтями хлеба.

– Щас спою! – объявил Спартак после четвертой чаши.

Принесли музыкальный инструмент, в котором Дмитрий признал трехструнную лиру.

Спартак, настроив её, запел на мотив марша:

Сегодня Рим – в который раз!

Заполнил Колизей.

Гремит труба, все пьют вино,

И слышен лязг цепей.

Вот на арену вышел раб.

Он в шлеме голубом!

На смерть сегодня избран он.
Толпе – салют мечом!

Другой, без шлема рядом встал.
Трезубец у него!
И сеть в его руке висит,
А больше ничего.

Друг друга видят в первый раз,
Но надо убивать!
Не за страну, не за жену,
А чтобы развлекать!

И кровь из ран под рев толпы
Пролилась на песок,
И парень с сетью вдруг упал:
Стоять уже не мог.

И Кесарь палец опустил,
Взметнулся в небо меч,
А побежденный крикнул: Бей!
Но только не калечь!

В глазах застыла синева,
А зрители ушли.
Для их потехи раб погиб

От родины вдали.

Ну, что такого?

Раб погиб.

Забыли и ушли...

– Сильная песня! – похвалил Моше.

Дмитрий поддержал его аплодисментами. Действительно, глубоко цепляет.

– А ты, Димитриос, не споешь ли нам? – спросил Крикс, улыбаясь и протягивая чашу.

– Я спою, только на родном языке, – ответил уже захмелевший Ништяк.

Старинная русская песня разнеслась над Везувием. Голос у Дмитрия был неплохой, сильный такой, баритон. Когда он закончил, все захлопали.

– Теперь переведи, о чем песня! – воскликнул Спартак, вытирая жирные руки о край плаща.

– Галеры показались из-за острова на могучей реке Итиль. Это отряд Стефана, по прозвищу Разящий Меч, возвращался из набега в земли персидского царя, где они взяли богатую добычу. На носу передней галеры сидит сам вождь со своей новой наложницей – дочерью царя. Он весел от вина и от новой женщины, с которой провел ночь. Но воины ропщут, что вождь нарушил обычай, что он променял их удачу на женщину, и сам теперь станет, как женщина, слаб и нерешителен.

Разящий Меч слышит этот ропот и насмешки. Признавая справедливость предъявленных обвинений, он берет дочь царя на руки и провозглашает, что во имя дружбы и единства принесет красавицу в жертву богу реки. Затем он бросает девушку в реку. Вывает к воинам спеть гимн, чтобы душа погибшей успокоилась в подземном царстве.

Все долго молчали. Первым высказался германец Эномай из Гипербореи, один из командиров, гигант с белокурой косматой гривой.

– Мы тоже плавали в набеги. На драккарах. Только по морю, не по реке. Обычай нарушать нельзя, никаких баб на судне быть не должно. Из-за них всегда возникают ссоры и удача покидает отряд. В пешем набеге – другое дело. Там можно брать с собой баб, сколько хочешь.

– Зря утопили девку. Можно было взять за неё хороший выкуп с царя персов! – подал голос грек Евстафий, отвечающий за казну войска, – Или просто продать любителям нежной женской плоти за золото или скот!

– Что ты говоришь, как это – продать? Разве мы не боремся против рабства? – удивился Дмитрий.

Все ошарашенно примолкли. Затем Спартак встал со своего места и заговорил:

– Мы боремся за собственную свободу и благополучие. Я объявил свободу всем рабам, которые захотят примкнуть к нам, это верно. Но как можно бороться против рабства? Ведь это уклад жизни, порядок вещей. Только в возвращен-

ном, пресыщенном Риме плохо обращаются с рабами, заставляют их биться и умирать на арене, выполнять непосильную работу. Рим силен, все время воюет, и поэтому рабов в нем слишком много, чтобы ими дорожить по-настоящему. Спроси кого хочешь – в других странах не так! Хозяин иногда не доест сам, но рабов накормит. Да что там! Если раб заболит, хозяин будет его лечить, даст на время легкую работу. И, уж конечно, никто не будет истязать или убивать раба для собственного извращенного удовольствия! Это же ценная собственность! Часто рабы являются как бы членами семьи! Они уверены в завтрашнем дне, все их нужды берет на себя хозяин. Подумай сам, Димитриос, если бы не было рабов, кто делал бы всю работу? Труд рабов дешев, и поэтому уровень жизни высок, люди могут себе позволить хорошую пищу, вино, предметы роскоши. И куда бы пришлось девать пленных, которых всегда много на войне, а войны идут постоянно? Убивать их? Но это негуманно! Отпускать на волю? Но они снова соберутся в войско и война будет длиться до бесконечности... Разве я не прав?

– Ты прав, о вождь! – раздался хор дюжины глоток.

– А как же справедливость? Люди должны иметь равные права! Если человек родился рабом, как он сможет реализовать себя, взрастить скрытые таланты? – выпалил наш виновник торжества, поборник демократии.

– А справедливости нет в этом мире. Кто сильнее, тот и прав. Вся справедливость – на усмотрение хозяина. Кста-

ти, умный, работающий раб может выкупиться на волю, ты не знал? Или убежать, если повезет, г-м. Нам же повезло, не так ли? Есть люди, которые не желают жить рабами, но есть и другие, которые добровольно продают себя в рабство. Что же касается равных прав... Я, лично, такого вообще не представляю! Ведь нет двух одинаковых людей, Дмитриос! Даже близнецы отличаются друг от друга характерами и темпераментом. Посуди сам: после объявления мной свободы из сотен тысяч рабов в нам примкнуло едва полторы тысячи, включая твоих людей! Допустим, что пытались бежать к нам много больше, но безуспешно. Но ведь не все! Большинство устраивает статус раба и привилегии этого состояния.

– Да какие же привилегии?! – всерьез удивился Дмитрий.

– Небольшие, согласен. Но значительные! Рабу дают работу по силам. Раб всегда сыт, одет. Ему позволяют иметь женщину, а то и семью. Его поят вином в праздники. Многие свободные люди не имеют и этого!

– Позволь спросить тебя, о Спартак! Если бы ты не был продан в гладиаторскую школу, а был рабом, выполняющим посильную работу, и хозяин относился бы к тебе хорошо, ты бы поднял восстание?

– Бы, бы, бы, если, если, если! На этот вопрос ты не получишь ответа, потому, что у меня его нет.

– А твоя борьба с Римом? Какие цели ты преследуешь?

– Наша главная цель – прожить подольше свободными

людьми. Разжиться монетой. Если представится возможность – уйти из Италии к варварам Севера. Или в Африку.

Дмитрий не нашелся, что ответить. Все сказанное было необходимо обдумать. Политическая программа Спартака пока была не ясна совершенно. Но он уже отяжелел от вина и обильной пищи, и вступать в полемику не хотелось. Но идея уйти к племенам варваров застряла в памяти. А там... видно будет.

Глава четвертая

Уже месяц они жили на Везувии. Рейды за провиантом становились все опаснее и приносили все меньше результатов – округа была вычищена подчистую не только восставшими, но и патрулями римлян, стороживших единственную дорогу к вершине. Спартак ввел строжайшее рационирование, но такое положение дел долго продолжаться не могло. Настал день, когда в очередной стычке с патрулем был захвачен легионер, показавший (под пытками), что трибун Гай Клавдий Пульхр с шестью когортами полностью блокировал восставших и не уйдет без голов вождей. Все приуныли. Или погибнуть в неравном бою, или сдохнуть с голоду, или сдать-ся, что тоже означало смерть. Римляне были слишком сердиты и наверняка развесили бы сдавшихся на деревьях вокруг Везувия на корм воронам.

Был созван военный совет. Самнит Ганник, низенький, длиннорукий, выступил первым:

– Надо собрать все силы в кулак и атаковать! Может быть, большинство погибнет, но, сколько-то ведь прорвется! Зато и римлянам не поздоровится, долго будут зализывать раны!

– Точно! – поддержал его Эномай, – Бой будет неравный, согласен, но красивый! А умереть с мечом в руке – это ли не лучшая смерть для настоящих мужчин! Мы попадем в Валгаллу! И Ганник прав: кто-нибудь, да прорвется!

– Может быть, сплести лестницы, ночью спуститься и ударить в тыл этому самому Пульхру? – предложил Крикс, разглядывая план Везувия, вычерченный Дмитрием, – Вот, здесь самое подходящее место, всего шестьсот локтей высота.

– А из чего ты сплетишь лестницы, или, хотя бы, веревки? Из лоз дикого винограда? – запальчиво крикнул Эномай, – Когда сплетишь, то полезешь первым, а я посмотрю, как ты полетишь вниз и размажешься по скалам, как гнилой персик!

Полетишь... Полетишь! – слово громом стукнуло в ушах Дмитрия. Возможно, вполне возможно...

– Я знаю, что делать, – тихо произнес он, но все услышали и воззрились на него с яростной надеждой, – Но мне нужно три дня и искусные столяры. И портные. И самая прочная и легкая ткань, которая у нас есть.

– Но что ты задумал, Димитриос? – Спартак в волнении вскочил с места.

– Я построю крылья, на которых полечу над лагерем римлян и брошу бомбы. Начнется паника, и тут вы спуститесь с горы. У нас есть двести конных воинов. Они должны будут атаковать незамедлительно, со всей прыткостью. За ними пойдут пехотинцы. Это наш лучший шанс на победу.

– Крылья, ха! – скептически ухмыльнулся Евстафий, – Разве ты не слышал историю об Икаре? Боги наказали его за святотатство! Только они могут летать, и то, предвари-

тельно обернувшись птицами!

– Ты можешь предложить что-нибудь получше? Верьте мне, я знаю, что делаю.

– Ты получишь просимое, Димитриос Ништяк. Самая прочная и легкая ткань... Виссон! У нас есть виссон, он прочнее и легче шелка, который купцы привозят из Срединной Империи, – просиял Спартак.

– Ага, а стоит виссон целый талант золотом за четыре дюжины локтей! Только цари могут позволить себе носить его! – пробурчал бережливый Евстафий.

Два дня Дмитрий с помощью двух столяров строил дельтаплан. Он немало полетал на них и хорошо знал конструкцию. Складную раму выстрогали из прочнейшего упругого тиса. Двойной слой виссона пошел на обшивку. Конструкция получилась несколько тяжелее, чем хотелось, но и чуть-чуть больше по размерам, что должно было компенсировать избыточный вес. На третий день, на виду у всего войска, Дмитрий совершил пробный полет над кратером, под дружное «Ах!» прыгнув в пропасть. Испытания прошли удачно, восходящий поток был силен и ровен. Покрутив восьмерки и набрав высоту, Дмитрий, после получаса полета, плавно спланировал на полянку, где, задрав головы, стояли все командиры. Громовое «Виват, Ништяк!» сотрясло воздух, аж камни посыпались.

– Есть ли у нас художник? – спросил Дмитрий, когда все

поутихли.

– Зачем? – хором откликнулись Спартак, Крикс, Эномай и Моше.

– Нарисовать устрашающие глаза и зубы! Чтобы римляне точно обгадились со страху!

Предложение было принято с энтузиазмом, и к вечеру на дельтаплан невозможно было смотреть без дрожи: огромные круглые злые глаза и треугольные акульи зубы внушали ужас даже тем, кто знал, в чем дело. Выступление было назначено на рассвете.

Что ж, назвался груздем – начинай лечиться! Неудобно маленько, с этими горшками у пояса, ну, да что делать. Больше трех бомб вряд ли понадобится, паника будет знатная даже от одной. Так, ещё раз просчитаем: лететь не выше сотни метров, фитили-то, на десять-двенадцать секунд. Как раз, пожалуй, над головами рванет. Лучше, чем на земле. Осколки полетят на десяток метров, а то и дальше. Стрелой меня с земли не достать, да и кто решится? Значит, делаю боевой заход, бросаю бомбы, и возвращаюсь в тыл к нашим, к тому времени уже спустятся. Ветер подходящий, восходящий поток – тоже. Ну, Уран, божество небес, помогай! Страшно-вато, однако, сигать в синеву рассвета... Даже земли не видно... Так, десять секунд – полет нормальный! Заложим поворот, плавненько, выравниваемся. Наша задача – залететь с тыла, и одновременно, со стороны солнца. Вроде получает-

ся... Вон и лагерь ихний, побудку играют, отлично! Снижаемся... Достаточно! Первый заход на бомбометание! Горшочек с углями на груди... Фитиль, загорайся, загорайся! Во, горит! Бросаем... Н-на! Ба-бах! Славно грохнуло! Забегали, засуетились! Ага, увидели меня! В рассыпную, правильно! Второй пош-шел! Не нравится, ох, не нравится! Эге, палатка загорелась! Верной дорогой бежите, товарищи! Вон уже и наша кавалерия, как раз вовремя! Получайте, гады! Третий пошел! Ух, как удачно! Человек пять упало! ... Так, теперь снизиться маленько и проклясть их страшным цыганским проклятием! Бу-у! Ха-ха-ха-ха-ха! Бегут, блин, головы закрывают! ... Ладно, Дракон сделал своё дело, Дракон может улетать... Во-он туда, местечко поровнее, и Феликс там, ждет уже, молодец!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.